

ЛЮДИ ЗИМЫ

*Скажи, когда снег
становится водой, помнит ли он,
как был снегом?*

ДЖЕННИФЕР МАКМАХОН

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Дженнифер Макмахон
Люди зимы

Jennifer McMahon

THE WINTER PEOPLE

© Jennifer McMahon, 2014

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency.

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

*Зелле, которая однажды затеяла
страшноватую игру в двух сестер, чьи
родители бесследно пропали в лесу.
«Иногда такое в самом деле случается...»*

Загадка:

Что это такое?..
Закопай глубоко,
Навали камней.
Все равно отыщу
Кладбище костей.
Ответ: Память.

Гости с другой стороны

Секретные дневники Сары Харрисон Ши

(Из предисловия редактора Амелии Ларкин)

Моя любимая тетка Сара Харрисон Ши была жестоко убита зимой 1908 года. Тогда ей был тридцать один год.

Вскоре после этого страшного события я собрала разрозненные страницы ее дневника, какие только сумела отыскать в десятках мудреных тайников в самых разных местах ее старого дома. Несомненно, тетя Сара понимала, какая опасность грозит ей из-за этих записей.

Весь последующий год я занималась тем, что приводила тетины записи в порядок, чтобы издать их в виде книги. Эта идея пришла мне в голову, как только я поняла, насколько сильно эти дневники способны изменить наши представления о том, что мы знаем о жизни и смерти.

Я убеждена, что последние записи – те, которые, по всей вероятности, содержат самые важные и самые сенсационные сведения и секреты, – тетя сделала за считанные часы до смерти. К сожалению, эти страницы мне так и не удалось обнаружить.

Работая над подготовкой к печати этих дневников, я старалась ничего не менять без крайней необходимости. Даже литературной правкой я старалась не злоупотреблять – мне казалось очень важным, чтобы написанный рукой Сары текст дошел до читателей в своем, так сказать, первоизданном виде, и для этого у меня имелась веская причина. Я абсолютно уверена, что, какой бы фантастической ни выглядела рассказанная моей теткой история, это не выдумка и не бред, а подлинные факты.

Хотелось бы особо отметить, что всеобщее убеждение, будто после смерти дочери моя тетка повредилась рассудком, не соответствует истине. Сара Харрисон Ши оставалась в здравом уме и твердой памяти до последнего дня своей жизни, и ее свидетельство заслуживает всяческого доверия.

1908

Гости с другой стороны

секретные дневники Сары Харрисон Ши

29 января 1908 г.

Мне было всего девять, когда я впервые увидела «спящего».

Это случилось весной – за несколько месяцев до того, как папа прогнал Тетю и погиб мой брат Джейкоб. Моя старшая сестра Констанс уже не жила с нами: полгода назад она вышла замуж и переехала в Грэнитвиль.

Я гуляла на холме в лесу неподалеку от Чертовых Пальцев, хотя папа строго-настрого запрещал нам с братом ходить туда без взрослых. Листья на деревьях уже распустились, и лес напоминал пронизанный светом зеленый шатер. Солнечные лучи хорошо прогрели землю, и в воздухе густо пахло перегноем и почему-то грибами. Под буками, кленами и березами распускались весенние цветы: триллиумы, кандыки и мои любимые ариземы: небольшие и неброские на вид, они, однако, были «с секретом». Причудливо изогнутый верхний лепесток цветка, нависавший над чашечкой, напоминал капюшон, под которым скрывался «монах» – странноватой формы пестик. Этот цветок показала мне Тетя, она же научила меня выкапывать съедобные луковицы аризем, которые можно было есть. По вкусу они напоминали репу. Я как раз обнаружила пробившийся сквозь лесную подстилку цветок и уже протянула руку, чтобы сдвинуть капюшончик и увидеть под ним крошечную, смешную фигурку, когда услышала шаги. Мерные,

неторопливые, они направлялись в мою сторону. Кто-то тяжело ступал по прошлогодней листве, шуршал ветвями кустов, спотыкался о корни.

Сначала я хотела броситься наутек, но от страха не могла двинуться с места. Всех моих сил хватило лишь на то, чтобы присесть за торчащим из земли большим камнем.

Вовремя. Невысокая фигура вышла из-за деревьев на поляну.

Я узнала ее сразу. Это была Эстер Джемисон.

Эстер умерла от тифа две недели назад. Мы с папой и Джейкобом ходили на похороны, и я сама видела, как гроб с ее телом закопали за церковью на Земляничном лугу. На кладбище были все школьные друзья Эстер, их родители, да и многие учителя тоже – все надели всё самое лучшее, словно это было воскресенье и они собрались на церковную службу.

Отец Эстер, дядя Эрвин, владел в городке магазином «Овес и Упряжь». На похороны он пришел в черном пальто с обтрепанными рукавами. Нос у него был красный и распухший, и он беспрерывно сморкался. Рядом стояла мама Эстер. Миссис Кора Джемисон, хозяйка городской швейной мастерской, была приземистой, полной женщиной. Она то и дело громко всхлипывала, вытирая слезы белым кружевным платком, и все ее крупное, рыхлое тело сотрясалось от рыданий, как желе.

Я уже несколько раз ходила на похороны, но еще никогда при мне не хоронили никого, кому было бы столько же лет, сколько и мне. Умирили старики – это было обычно и естественно. Чуть реже умирали новорожденные и младенцы, но и это не казалось мне странным, ведь они были такими маленькими и слабыми! Но Эстер... Когда мне сказали, что она умерла, я не поверила, а на похоронах не могла оторвать глаз от гроба, который был как раз такого размера, что в нем вполне могла поместиться девочка моего возраста. Я таращилась на простой деревянный ящик до тех пор, пока у меня не начала кружиться голова. Интересно, спрашивала я себя, каково это – лежать там, внутри?

Должно быть, папа заметил, что со мной творится неладное. Взяв меня за руку, он слегка пожал мои пальцы, а потом привлек к себе, и мне сразу стало легче.

Преподобный Эйерс, который в те годы был совсем молодым человеком, сказал, что Эстер теперь на небесах, с ангелами, и я сразу ему поверила. Наш прежний священник, преподобный Фелпс, был скрюченным, наполовину глухим старикашкой, который изрекал только что-то совершенно непонятное и пугающее насчет греха и «гигиены огненной» (так, во всяком случае, мне слышалось). Речь преподобного Эйерса была намного понятнее. Когда он говорил, сверкая ярко-голубыми глазами, мне казалось, будто каждое его слово обращено только ко мне одной.

«...И до старости вашей Я тот же буду; и до седины вашей Я же буду носить вас; Я создал и буду носить, поддерживать и охранять вас...»^[1]

Наверное, впервые в жизни я как следует поняла эти слова Бога, потому что их произнес преподобный Эйерс. Все девочки в школе говорили: с таким голосом он способен обратить самого дьявола.

Из кустов орешника донесся весенний крик трупяла. Встопорщив красные надкрылья, птаха снова и снова выводила свое звонкое «кики-ри-и». Пронзительный крик птицы действовал завораживающе, почти гипнотически; даже преподобный Эйерс ненадолго отвлекся, чтобы посмотреть в ту сторону.

Миссис Джемисон рухнула на колени и зарыдала в голос. Мистер Джемисон попытался ее поднять, но ему не хватило силы.

Я стояла рядом с папой и крепко держала его за руку, пока на гроб бедняжки Эстер со стуком сыпалась земля. Один передний зуб у нее был немного кривым, но это ее совершенно не портило – напротив, многие считали ее на редкость красивой. Эстер была лучшей по математике в классе. На какой-то из моих прошлых дней рождения она подарила мне сложенный вдвое листок плотной бумаги с цветком внутри. Это была засушенная по всем правилам фиалка – совсем как в настоящей гербарии! «Пусть каждый день

твоей жизни будет таким же счастливым, как сегодняшний!» – было написано на бумаге четким, сильно наклоненным вправо почерком Эстер. Засушенную фиалку я долго хранила между страницами своей Библии, пока она куда-то не подевалась: то ли выпала, то ли просто рассыпалась в пыль.

И вот, через две недели после похорон Эстер, я увидела ее в лесу – ее саму или ее призрак. Но самое страшное заключалось в том, что она тоже увидела, как я прячусь за большим камнем. Никогда мне не забыть появившегося в глазах Эстер выражения испуганного полуузнавания, какое бывает у человека, внезапно разбуженного от глубокого сна.

Это был, конечно, никакой не дух и не призрак, а самый настоящий «спящий». Кто такие «спящие», я знала довольно хорошо – в школе мы даже играли в такую игру: одна девочка ложилась на землю, как будто она умерла, а остальные клали ей на грудь букетики фиалок и незабудок. Потом кто-то из играющих наклонялся к «покойнице» и шептал ей на ухо волшебные слова, после чего та оживала и, вскочив, начинала гоняться за участниками игры. Тот, кто попадался ей первым, становился следующим покойником.

Кажется (но я не уверена), пару раз Эстер Джемисон тоже играла с нами в эту игру.

А еще я не раз слышала разговоры о том, будто скорбящие родственники могут ненадолго вернуть умершего человека из страны мертвых – нужно только знать правильные слова. Это и называлось «разбудить спящего». Я, впрочем, была почти уверена, что это просто страшные сказки, которые старухи любят рассказывать друг другу за штопкой или шитьем, чтобы скоротать время и заодно припугнуть непослушных детей и заставить их возвращаться домой до наступления темноты. Мне, однако, всегда казалось, что Бог никогда бы не допустил подобной мерзости.

Но сейчас я убедилась в обратном.

Меня и Эстер разделяло не больше десяти футов. Я ясно видела, что ее платье испачкано и порвано, мягкие белокурые волосы спутались, и в них застряли комья глины. Землей – сырой, жирной землей – пахло и от самой Эстер, но за этим запахом я различала что-то еще. Это был резкий, неприятный запах разогретого жира и горелой тряпки – примерно так пахнет сальная свеча, когда ее только что задуешь.

Наши взгляды встретились, и я хотела заговорить, хотела назвать подругу по имени, но из моего сжатого судорогой страха горла вырвалось только невнятное шипение:

«Эх-сс-тер...»

В следующее мгновение Эстер повернулась и, словно испуганный кролик, метнулась обратно в чашу. Я проводила ее беспомощным взглядом, крепко вцепившись в поросший лишайником камень всеми десятью пальцами.

Потом на тропе, ведущей из долины к Чертовым Пальцам, появилась еще одна фигура. Какая-то женщина тяжело поднималась по склону, на ходу выкрикивая имя Эстер. Это была ее мать – миссис Кора Джемисон. Увидев меня, она на мгновение остановилась. Ее лицо было красным от напряжения, его искажала гримаса отчаяния. Миссис Джемисон тяжело дышала, ее руки и подбородок были исцарапаны, платок сбился, а в волосах застряли ветки и листва.

«Никому не говори!.. – прошипела она странным, срывающимся голосом. – Никому, слышишь?!»

«Но почему?» – спросила я, выходя из-за камня.

Миссис Джемисон посмотрела на меня, точнее – *сквозь* меня, словно я была закопченным оконным стеклом в кухонном окошке.

«Быть может, когда-нибудь ты тоже будешь любить кого-то без памяти, – сказала она. – И тогда ты поймешь...»

И она побежала дальше – туда, где в лесной чаще исчезла ее воскресшая дочь.

В тот же день я рассказала Тете обо всем, что видела.

«Разве это возможно? – спросила я. – То есть я имею в виду – разве можно *на самом деле* вернуть умершего человека?»

Мы с Тетей гуляли у реки, собирая съедобные завитушки молодого папоротника. Мы делали это каждую весну, и тетина корзина была уже почти полна. Набрав папоротника, мы приносили его домой и варили суп из лесной зелени и трав, которые Тетя собирала по пути. Кроме того, у реки у нас было еще одно дело: мы проверяли бобровые ловушки. Буквально пару дней назад в одну из них попался крупный бобр, и Тетя надеялась поймать еще нескольких. Бобры в наших краях встречались редко, и их шкурки ценились очень высоко. Тетя говорила – когда-то эти зверьки были так же многочисленны, как белки, но трапперы истребили почти всех, а те, кто уцелел, стали очень осторожны.

Патрон тоже был с нами. Низко опустив лобастую голову, он принюхивался к земле, а его настороженные уши ловили каждый шорох. Папа говорил, что Патрон – наполовину волк, но мне часто казалось, что это не так и что он волк на все десять десятых. Тетя нашла его еще щенком, когда он провалился в одну из ее ловчих ям, к тому же он был ранен – кто-то всадил ему в бок хороший заряд дроби (собственно говоря, именно поэтому его и называли Патроном: мол, кто-то зря потратил на него патрон). Тетя отнесла щенка в свою хижину, выковыряла из-под шкуры дробишки, а потом промыла и зашила раны. Патрон выжил и с тех пор не отходил от Тети ни на шаг.

«Ему повезло, что ты его нашла», – сказала я, когда впервые услышала эту историю.

«Везение тут ни при чем, – серьезно ответила мне Тетя. – Просто мы с ним с самого начала были предназначены друг для друга».

И действительно, я никогда не видела, чтобы какой-нибудь пес – или любой другой зверь, если на то пошло – был настолько предан владельцу. Раны Патрона давно зажили, но одна из дробинок повредила ему правый глаз, который со временем стал беловатосизым, как брюхо дохлой рыбы. Я считала, что этим глазом Патрон

ничего не видит, но Тетя всегда меня поправляла. «Этим глазом он видит духов, – говорила она и уточняла: – Он так близко подошел к границе жизни и смерти, что один его глаз навсегда остался в мире мертвых». Я очень любила Патрона, но его слепой глаз внушал мне какой-то непонятный ужас. Порой мне даже казалось, что им он видит куда больше, чем я – своими двумя.

Тетя не была моей настоящей родственницей, но она любила меня, заботилась обо мне, воспитывала меня с самого рождения, поскольку моя собственная мать умерла через считанные часы после того, как произвела меня на свет. Свою мать я, естественно, не помнила и помнить не могла – единственными доказательствами ее существования были свадебные фотографии родителей, сшитое мамой лоскутное одеяло, под которым я спала, да истории, которые рассказывали мне мои старшие брат и сестра.

Джейкоб утверждал, что я смеюсь точь-в-точь как мама. Констанс говорила, что мама танцевала лучше всех в округе и что остальные девушки ей ужасно завидовали.

Тетины предки были родом откуда-то с севера – кажется, из-под Квебека. Ее отец был белым траппером, а мать – индеанкой. Сама Тетя тоже была похожа на индейца: она носила на поясе большой охотничий нож и одевалась в длинное платье из мягкой оленьей кожи, расшитое яркими бусинами и крашеными иглами дикобраза. Кроме того, она хорошо говорила по-французски, а иногда пела песни еще на каком-то языке, название которого я так никогда и не узнала. На указательном пальце правой руки Тетя носила кольцо из пожелтевшей кости.

«А что на нем написано?» – спросила я однажды, показывая кончиком пальца на странные буквы и символы, вырезанные на поверхности кольца.

«Что жизнь – это кольцо», – загадочно ответила Тетя.

Жители городка Тетю побаивались, однако это не мешало им частенько навещать ее хижину, которая стояла в чаще за Чертовыми Пальцами. Они приходили к ее порогу по хорошо всем

известной тропе и приносили деньги, мед, вѳски и многое другое, надеясь выменять за это одно из ее снадобий. У Тети всегда находились и капли от колик, и чай от лихорадки, и многое другое, а в маленькой бутылочке из голубого стекла хранилось средство столь могучее, что – как утверждала сама Тетя – одной его капли хватило бы, чтобы приворожить любого мужчину.

А в том, что говорила Тетя, я никогда не сомневалась.

Знала я о Тете и кое-что еще. Несколько раз я видела, как рано утром она тайком выскальзывала из папиной спальни, слышала звуки, доносившиеся из-за запертой двери, когда Тетя навещала его по ночам.

Тетю я старалась не сердить. Она терпеть не могла, когда ей возражают, вспыхивая буквально от малейшей искры. Если кто-то вдруг не хотел платить ей за лекарства, наговоры или другие услуги, она сама отправлялась в городок и, бормоча заклинания, рассыпала вокруг жилища должника странный черный порошок, который доставала из подвешенной к поясу замшевой сумки. После этого на упрянца и членов его семьи обрушивались самые разнообразные несчастья: болезни, пожары, неурожай и прочее. Некоторые даже умирали.

Я опустила в корзину очередную порцию папоротниковых завитушек.

«Скажи, Тетя, а мертвые правда могут возвращаться?»

Слегка наклонив голову, она долго смотрела на меня маленькими темными глазами.

«Да, – проговорила она наконец. – Мертвые *могут* возвращаться. Есть один способ... О нем немногие знают, а кто знает – передает секрет своим детям. У меня детей нет, а поскольку ты – мой самый близкий человек, я передам этот секрет тебе... в свое время. Я запишу все, что знаю... что мне известно о «спящих», потом положу бумаги в конверт и запечатаю пчелиным воском. Ты спрячешь конверт в надежное место, и однажды, когда ты будешь готова, ты вскроешь его и прочтешь...»

«А как я узнаю, что я готова?» – спросила я.

Тетя улыбнулась, обнажив мелкие, слегка заостренные, как у лисы, зубы – белые, но в пятнах от табачной жвачки.

«Узнаешь», – твердо сказала она.

Все это я пишу тайком, спрятавшись под одеялом. Мартин и Лусиус уверены, что я давно сплю. Я слышу, как они ходят внизу, пьют кофе и обсуждают мою «болезнь» (боюсь, что прогноз не слишком благоприятный). Это, однако, не помешало мне мысленно вернуться в прошлое, вспомнить, как все начиналось, и восстановить полную картину буквально по кусочкам – так женщины в наших краях шьют лоскутные одеяла и коврики. Вот только мое одеяло получается на редкость мрачным, если не сказать – жутким.

«Герти...» – слышу я голос Мартина сквозь позвякивание ложки, которой он помешивает кофе в своей любимой жестяной кружке. Я уверена, что сейчас Мартин сильно хмурится, на лбу появляются глубокие морщины, а лицо становится печальным, как бывает каждый раз, когда он произносит ее имя.

Затаив дыхание, я прислушиваюсь изо всех сил.

«Иногда несчастье может сломать человека, – отвечает Лусиус. – И он уже никогда не станет прежним».

А со мной действительно случилось несчастье. Большое несчастье. Даже сейчас, стоит мне закрыть глаза, я отчетливо вижу перед собой лицо Герти, ощущаю на коже ее теплое, сладкое дыхание, слышу, как она спрашивает:

«Скажи, когда снег становится водой, он помнит, как был снегом?»

Мартин

12 января 1908 г.

– Мартин, проснись! – Тихий шепот, легкое прикосновение к щеке – и он открыл глаза. – Пора!..

Мартин слегка приподнял голову, с сожалением оставляя сон о женщине с длинными темными волосами. Она что-то говорила ему, что-то очень важное – такое, что ему ни в коем случае нельзя было забывать.

Перевернувшись на бок, Мартин увидел, что лежит в постели один. Та половина простыни, где лежала Сара, была холодной. Сев на кровати, он натянул на плечи одеяло и прислушался. Из-за двери дочери на противоположной стороне коридора доносились голоса и приглушенное хихиканье.

Неужели Сара снова проболтала с Герти всю ночь? Нет, он понимал чувства жены, но для девочки это было, скорее всего, не полезно. Больше того, привязанность, которую Сара питала к дочери, часто казалась ему чрезмерной и... нездоровой. Например, буквально на прошлой неделе она три дня подряд не пускала Герти в школу под предлогом того, что у девочки, дескать, начинается простуда (какая там простуда – легкий кашель!). И все три дня Сара буквально из кожи вон лезла, чтобы угодить дочери. Она и волосы-то ей заплетала, и новое платье сшила, и пекла ее любимое печенье, и в прятки с ней играла. А когда племянница Сары, Амелия, пригласила Герти к себе на выходные, она привела не меньше десятка очень веских причин, чтобы не отпустить дочь. «Она такая слабенькая и будет так сильно скучать по дому...» – увещевала Сара, но Мартин отлично понимал, что на самом деле именно его жена не в силах расстаться с дочерью даже на несколько дней. Да, Лусиус был прав: Сара сильно изменилась, а если Герти не было рядом, она и вовсе становилась сама на себя не похожа.

В спальне было свежо. Огонь в очаге на первом этаже, скорее всего, погас еще ночью, и Мартин, поеживаясь от холода, стал одеваться. Как и всегда по утрам, больная нога плохо слушалась, и он поскорее сунул ее в специальный башмак, который несколько лет назад сшил ему сапожник в Монпелье. Подошвы давно прохудились,

и Мартин натолкал в башмаки сухую траву и пух рогоза, проложив полосками кожи, надеясь таким образом хоть немного защитить ноги от сырости и холода. На то, чтобы пошить новые башмаки, денег не было.

Осенью они собрали совсем мало картофеля. Черная гниль погубила почти весь урожай, поэтому они могли рассчитывать только на деньги, которые выручили, продав остатки картофеля на крахмальную фабрику. Чтобы пережить зиму, этого было недостаточно: январь только начался, а погреб был уже почти пуст. В нем оставалось буквально несколько сморщенных картофелин, полмешка моркови, с дюжину кабачков да несколько банок с фасолью и помидорами, которые Сара заготовила еще летом. Правда, в ноябре они закололи свинью, но бóльшую часть мяса пришлось обменять в городе на продукты и мануфактуру, так что теперь у них остался всего один кусок солонины и немного сала. Жалкие крохи, если разобраться... До весны с такими припасами было никак не дотянуть, а значит, ему придется отправиться на охоту, если он не хочет, чтобы его семья голодала. Хорошо бы застрелить оленя, подумал Мартин. Подобная удача сразу решила бы большинство проблем. Правда, у Сары был настоящий талант экономить запасы (например, ей вполне удавалось превратить горстку муки, ломтик солонины и стакан молока в полноценный завтрак или обед), но даже она не могла приготовить что-то из ничего.

«Съешь еще немного, Марти, – приговаривала она, с улыбкой наблюдая, как он обмакивает испеченную ею лепешку в молочный соус. – Этого добра у нас еще много!»

В этих случаях Мартин обычно кивал и накладывал себе еще одну порцию, стараясь показать, что верит в ее сказки об изобилии.

«Я очень люблю лепешки и молочный соус!» – поддакивала и Герти.

«Вот почему я так часто их готовлю, дорогая», – улыбалась Сара.

Примерно раз в месяц Сара и Герти запрягали в фургон лошадей и отправлялись в город, чтобы купить в универмаге все необходимое. Ничего лишнего, разумеется – только сахар, кофе, муку, рис и чай и другие вещи, которых не могло дать натуральное хозяйство. Обычно Эйб Кашинг отпускал им продукты в кредит, но на прошлой неделе он отозвал Мартина в сторонку и сообщил, что их долг слишком вырос и им придется оплатить хотя бы часть, прежде чем покупать еще что-то.

Услышав эти слова, Мартин почувствовал, как волна желчи поднимается откуда-то из его пустого желудка и во рту становится горько. Наличных денег у него не было. Нет, он еще не готов был признать себя побежденным, но что делать дальше, Мартин не знал.

Сейчас, вспоминая об этом случае, он резко потянул шнурки башмаков, но быстро взял себя в руки. И все же, завязывая шнурки аккуратным узлом, Мартин не мог не думать о том, что вот, он еще не встал с постели, а нога уже болит. Он, впрочем, знал, что это означает. Похоже, будет буран.

Сунув руку в карман латаных-перелатаных рабочих штанов, он нащупал там кольцо и с облегчением вздохнул, убедившись, что оно на месте. Мартин носил его с собой постоянно, считая, что кольцо непременно принесет ему удачу. Вот и сейчас оно согрело ему пальцы, словно от него исходило какое-то особое тепло. Иногда, когда Мартин работал в поле или в лесу, где Сара не могла его видеть, он доставал кольцо и надевал его на мизинец.

Каждую весну, когда Мартин распахивал свои поля, лемех его плуга выворачивал из земли столько камней, что из них можно было запросто построить еще один дом или силосную башню. Но на северном, ближайшем к Чертовым Пальцам, поле он находил не только камни. В борозде часто попадались странные, непонятные вещи, происхождение которых Мартин не взялся бы объяснить. Разбитые чайные чашки. Осколки обеденных тарелок. Детская тряпичная кукла. Обгоревшие обрывки одежды. Человеческие зубы.

«Разве там когда-то был поселок? – спросил он как-то у Сары, показывая ей найденные предметы. – Или, может быть, что-то вроде свалки?..»

В ответ Сара только отрицательно покачала головой, но лицо ее стало мрачным.

«Там никогда ничего не было, Мартин», – решительно ответила она, а потом велела снова закопать в землю все, что он нашел.

«И вообще, – сказала она, – давай больше не будем ничего сажать на северном поле. Оставим его под паром, хорошо?»

Мартин ничего не понял, но подчинился.

Но два месяца назад он случайно забрел на северное поле и наткнулся на кольцо, которое просто лежало на голой земле и сверкало, словно ореол вокруг луны ясной зимней ночью.

Это было очень необычное кольцо, явно вырезанное вручную из прочной, пожелтевшей кости. И оно было очень, очень старым. Всю его поверхность покрывали непонятные символы и письмена на неизвестном Мартину языке. И все же стоило ему взять кольцо в руки, как ему начинало казаться, будто оно разговаривает с ним, нашептывает странные вещи, нагревается и пульсирует, как живое. Поначалу ему было даже немного не по себе, но потом Мартин решил, что кольцо – это что-то вроде знамения, которое означает, что его полоса невезения скоро закончится.

Он принес кольцо домой, как следует отчистил его и положил в красивый бархатный мешочек. В рождественское утро Мартин оставил мешочек на Сариной подушке и стал с нетерпением ждать, как она отреагирует. На настоящие рождественские подарки у них никогда не было денег, но Мартину всегда хотелось преподнести жене что-нибудь особенное – что-то такое, что могло бы ее по-настоящему обрадовать. В том, что кольцо ей понравится, он не сомневался, ведь оно было такое красивое, такое изящное, почти... волшебное. А Сара, по его глубокому убеждению, давно заслуживала именно такого подарка.

И действительно, когда Сара увидела на подушке мешочек, ее глаза засверкали от радости, но стоило ей заглянуть внутрь, как выражение ее лица резко изменилось, а руки затряслись. В следующее мгновение она отшвырнула от себя мешочек, словно там лежал отрезанный человеческий палец.

«Где... где ты взял это кольцо?» – спросила она дрожащим голосом.

«Нашел. Оно лежало на краю поля, почти у самого леса, – ответил Мартин. Он ничего не понимал. – Ради бога, Сара, что случилось?»

«Выброси его немедленно! – велела она. – Отнеси обратно и закопай!»

«Но почему?!»

«Обещай, что сделаешь именно так, как я сказала! – воскликнула Сара, схватив его за воротник рубашки. – Обещай, слышишь?!»

Она выглядела не на шутку напуганной, но в ее глазах Мартин разглядел какое-то странное отчаяние и боль.

«Я... я сделаю, как ты сказала. – Он убрал кольцо обратно в мешочек и сунул в карман. – Обещаю. Ты, главное, успокойся...»

Но кольцо он не закопал и не выбросил. Оно стало его личным талисманом, амулетом, обещавшим удачу.

Убедившись, что кольцо по-прежнему надежно спрятано и не выпадет из кармана даже случайно, Мартин шагнул к окну. В неверном, зыбком свете раннего утра он увидел, что снег, начавшийся вчера вечером, шел всю ночь. Теперь, чтобы по дороге перед домом снова можно было пройти, придется как следует поработать, разгребая снег лопатой и укатывая тяжелым катком, прицепленным к лошадиной упряжи. А ведь если верить его разнывшейся ноге, на носу новый буран! С другой стороны, если сейчас он управится с уборкой двора достаточно быстро, можно будет взять ружье и отправиться на охоту. В лесу свежевывавший снег ему даже поможет: во-первых, на нем будут видны все следы, а во-вторых, по глубокому снегу преследовать оленей будет проще. Ну а если не повезет с оленем, быть может, ему удастся подстрелить

индейку или куропатку. Или зайца... На мгновение Мартин представил, как обрадуется Сара, когда он принесет домой свежее мясо. Она улыбнется ему, поцелует, а потом наточит свой самый лучший нож и примется за работу, пританцовывая и мурлыча себе под нос песенку, которую Мартин хорошо знал. Он слышал ее много раз, и она казалась ему одновременно и веселой, и немного грустной, но что это за песня или мелодия, Мартин сказать не мог. Ни от кого другого он ничего подобного не слышал. Однажды он спросил, откуда Сара знает эту песенку, и она ответила, что выучила ее, еще когда была совсем маленькой девочкой.

По узкой, крутой лестнице Мартин неловко спустился в гостиную, выгреб из камина золу и разжег огонь. Потом он направился в кухню и растопил плиту, стараясь не греметь тяжелой железной заслонкой. Мартин знал – если Сара услышит, что он возится в кухне, она сразу спустится, а ему хотелось, чтобы она еще немного отдохнула, лежа под теплым одеялом рядом с маленькой Герти.

Пустой желудок Мартина скрутило голодным спазмом. Вчерашний ужин состоял из скудной порции картофельного пюре с крошечным кусочком зайчатины. Бóльшую часть мяса он испортил, выпалив в зайца крупной дробью.

«Ты что, не мог целиться в голову?» – спросила его Сара.

«В следующий раз пойдешь на охоту сама», – отозвался Мартин и подмигнул жене. Он хорошо знал, что Сара стреляет лучше него. Кроме того, Сара умела отлично разделать любую добычу: ей достаточно было сделать всего несколько движений ножом, и шкура сама слезала с убитого зверька. Сам Мартин действовал куда менее ловко и почти всегда ухитрялся испортить шкуру.

Убедившись, что дрова в плите занялись, Мартин натянул теплую зимнюю куртку и кликнул собаку, свернувшуюся в углу на старом половичке.

– Идем, Шеп, – сказал он. – Идем, старина. Вставай.

Шеп приподнял крупную голову, недоуменно посмотрел на хозяина и снова уронил ее на передние лапы. Он был уже стар, и

возможность поваляться в свежавыпавшем снегу его отнюдь не прельщала. В последнее время пес и вовсе слушался одну только Сару. Он был последним в длинной череде Шепов – отдаленным потомком самого первого Шепы, охранявшего ферму, когда Сара была еще девочкой. Как и все его предки, нынешний Шеп был крупным, поджарым псом с лобастой головой и мощными челюстями. Сара утверждала, что отцом самого первого Шепы был волк, и Мартин никогда в этом не сомневался: даже сейчас, через несколько поколений, волчья кровь давала о себе знать. Чтобы убедиться в этом, достаточно было посмотреть на пса повнимательнее.

В конце концов Мартин вышел из дома один. Он направился в хлев, решив сначала покормить ту немногую домашнюю живность, которая у них еще осталась: двух ломовых лошадей, худую как смерть корову молочной породы и несколько кур-несушек. Заодно, подумал Мартин, можно будет собрать свежие яйца к завтраку. При условии, конечно, что в гнездах вообще отыщутся яйца – в это время года куры неслись крайне неохотно.

Солнце только-только поднялось над горой. Снег почти прекратился – теперь он падал редкими мохнатыми хлопьями, но Мартин знал, что к вечеру опять разыграется метель.

Стоило ему сделать шаг с крыльца, как его ноги ушли в снег почти по колено. Значит, на охоту придется надеть снегоступы, понял Мартин. Увязая в глубоком снегу, он неловкой походкой пересек двор и, обогнув хлев, зашел с тыльной стороны, где находился пристроенный курятник. Мартин любил кормить кур – ему очень нравилось смотреть, как они с кудахтаньем толпятся у выдолбленной колоды, куда сыплется свежее зерно, нравилось вынимать из гнезд теплые, твердые яйца.

Кроме того, куры давали ему и его семье так много, а взамен требовали так мало!

У каждой курицы было даже собственное имя. Их придумала Герти. В курятнике жили Королева Вильгельмина, Флоренс Великая,

Княгиня Реддингтонская и еще восемь других (до прошлого месяца у них была целая дюжина, но потом одну унесла лисица). У каждой курицы была и своя история, которую тоже сочинила Гerti, но подробности Мартину запомнить никак не удавалось. Несколько месяцев назад – в ноябре – девочка сделала каждой несушке колпачок из цветной бумаги и даже испекла специальный куриный пирог из кукурузной муки. «У курочек будет званый ужин!» – сообщила она родителям, и Мартин с Сарой смеялись до слез, глядя, как их дочь гоняется за Флоренс и Вильгельминой, пытаясь надеть на них головные уборы.

Обогнув угол хлева, Мартин резко остановился и невольно ахнул. На снегу возле курятника среди разбросанных перьев алело кровавое пятно.

Лисица вернулась.

Тяжело припадая на искалеченную ногу, Мартин шагнул вперед. Для него не составляло труда понять, что здесь произошло. Цепочка лисьих следов вела от леса к курятнику. Второй след, отмеченный крошечными красными капельками, уходил к лесу.

Наклонившись, Мартин снял рукавицу и коснулся алого пятна кончиками пальцев. Кровь была свежей, она даже не успела замерзнуть. Потом он обследовал стену и обнаружил в самом низу подгнившее бревно. Лисица разрыла снег, расширила дыру и пробралась внутрь.

– Проклятье!.. – прошипел Мартин сквозь стиснутые зубы и открыл дверь курятника. Внутри он обнаружил еще двух загрызенных кур. Никаких яиц, конечно, не было и в помине. Уцелевшие несушки, испуганно кудахча, сгрудились в дальнем углу.

Мартин заложил дыру в стене тяжелым обрубком бревна, тщательно запер дверь и поспешил в дом за ружьем.

Гerti

12 января 1908 г.

– Скажи, когда снег становится водой, он помнит, как был снегом? – спрашиваю я.

– Не думаю, что у снега есть такое свойство, как память, – отвечает мне мама.

Снег шел всю ночь. Когда утром я выглянула в окно, все вокруг было укрыто им как пушистым толстым одеялом – белым и чистым одеялом, скрывшим следы, и дороги, и любые другие признаки существования людей. Казалось, весь мир только что родился заново и был свежим и юным.

В школу я, конечно, сегодня не пойду. Правда, я люблю мисс Делайлу, но куда больше мне нравится оставаться дома, с мамой.

Мы с мамой лежим в кровати под теплым одеялом, прижавшись друг к другу как две запятые в кавычках. Я уже знаю, что такое кавычки, запятые, точки и вопросительные знаки – всему этому меня научила мисс Делайла. Некоторые книги я читаю уже по-настоящему хорошо и почти все понимаю, но некоторые – такие, как Библия – ставят меня в тупик.

Библию мы читали в классе, а потом мисс Делайла рассказывала, что у каждого человека есть бессмертная душа.

«Душу дает человеку Бог», – сказала она.

Я спросила ее про зверей, но мисс Делайла ответила, что у животных души нет. Я, однако, думаю, что она ошибается. Я думаю – душа и память должны быть у всех: у тигров, у роз и даже у снега. И конечно, душа должна быть у старого Шепа, который целыми днями спит у огня. Глаза его закрыты, но лапы то и дело подергиваются, потому что во сне он по-прежнему молод. А как, скажите на милость, можно видеть сны, если у тебя нет ни души, ни памяти?..

Мы с мамой натянули на головы одеяло, поэтому нам тепло и уютно. Правда, под одеялом довольно темно – совсем как в глубокой пещере под землей или в медвежьей берлоге.

Темноты я не боюсь. Когда мы играем в прятки, мне нравится прятаться под одеялом или под маминой кроватью. Я еще не очень большая и могу втиснуться в самые узкие щели, поэтому маме приходится искать меня довольно долго. Мое самое любимое «прятальное место» – стенной шкаф в комнате мамы и папы. Я люблю чувствовать, как прикасается к моему лицу их одежда; тогда я представляю себе, будто иду сквозь дремучий лес, где ветви мягки, а листва пахнет домом – мылом, дымом очага и розовой водой, которой мама иногда ополаскивает руки. В дальней стенке шкафа есть расшатавшаяся доска, которую можно сдвинуть в сторону. Если проползти в отверстие, окажешься в бельевом шкафу в коридоре – под полками, на которых сложены чистые простыни, полотенца и скатерти. Иногда я совершаю обратное путешествие – забираюсь в бельевой шкаф и вылезая в родительской спальне. Чаще всего я проделываю это по ночам – мне нравится смотреть на маму и папу, когда они спят. В такие минуты я чувствую себя совершенно особенному, как будто я дух или призрак, а не обычная, живая девочка. Кроме того, это очень приятно – не спать, когда все вокруг спят, и только мы с луной тихонько глядим на маму и папу и улыбаемся.

Мама находит в темноте мою ладонь и рисует на ней кончиком указательного пальца невидимые буквы.

«В-с-т-а-е-м?» – читаю я.

– Нет, мамочка, еще немножко! – прошу я и сжимаю ее пальцы. Мама вздыхает и крепче прижимает меня к себе. Ее много раз стиранная ночная рубашка сшита из мягкой фланели, и я, не удержавшись, глажу ее податливые складки.

– Что тебе снилась, моя сладенькая? – спрашивает мама. Голос у нее тоже мягкий и шелковистый, как тонкое льняное полотно.

Я улыбаюсь, потом в свою очередь беру ее за руку и пишу на ладони:

«Голубая собака».

– Вот здорово! И ты снова каталась у нее на спине?

Я несколько раз киваю, стучаясь затылком о твердый подбородок мамы.

– А куда она возила тебя на этот раз? – Мама целует меня сзади в шею, и ее дыхание щекошет короткие волоски на моей коже. Однажды я сказала мисс Делайле, что мы все, наверное, отчасти животные, потому что на коже каждого человека есть что-то вроде меха. В ответ учительница засмеялась и сказала, что это все глупости.

Иногда, когда мисс Делайла смеется над какими-то моими словами, я кажусь самой себе совсем крошечной и глупой, как младенец, который только-только учится говорить.

– Она возила меня посмотреть на леди со спутанными волосами, которая живет в дупле старого толстого дерева, – отвечаю я. – Только на самом деле она не живет, потому что уже давно умерла. Она – одна из Людей зимы.

Я чувствую, как мама настораживается.

– Из Людей зимы?

– Я их так называю, – объясняю я, поворачиваясь к маме лицом. – Это люди, которые застряли между нашим и другим миром и могут только ждать... Они живут в таком месте, где все такое холодное, бледное, как зимой, где ничего нет, и ничего не происходит, и все, что им остается – это ждать весны.

Мама сбрасывает одеяло и как-то странно на меня смотрит. Кажется, она обеспокоена или даже встревожена.

– Все в порядке, мама! – спешу я ее успокоить. – Леди, к которой я ездила, она... В общем, она не из тех – не из *плохих*...

– А что, бывают и плохие? – спрашивает мама серьезно.

– Они не плохие, а просто... очень сердитые. Им не нравится, что они застряли, вот они и злятся. Многим хотелось бы вернуться, но они не знают как. И чем больше они стараются найти обратную дорогу, тем сильнее сердятся. Ну а некоторым просто одиноко, и единственное, чего они хотят, это с кем-нибудь поговорить.

Мама окончательно отбрасывает одеяло в сторону. В комнате очень холодно, и мое тело мгновенно покрывается пупырышками, словно его колют сотни ледяных игл.

– Пора вставать! – говорит мама чуть громче, чем следовало бы. – Сделаем домашние дела, позавтракаем, а потом попробуем что-нибудь испечь. Как ты на это смотришь?

Она встает и принимается застилать постель, тщательно разглаживая простыню. В эти минуты она очень похожа на большую хлопотливую птицу.

– Что испечь? Может, печенье с патокой? – с надеждой спрашиваю я. Это печенье я люблю больше всего на свете. И Шеп тоже, потому что теперь, когда он состарился, ему дают вылизать миску. Папа говорит, что мы его окончательно избаловали, но мама считает, что Шеп это заслужил.

– Да, печенье с патокой, – кивает мама. – А теперь беги к папе и узнай, не нужно ли ему помочь задать корм лошадям и корове. И принеси яйца, ладно? Они нам понадобятся для печенья. Хоть сколько-то там должно быть... – Она задумчиво смотрит на меня. – И еще, Герти... – Мама берет меня за подбородок и поворачивает к себе так, чтобы я смотрела ей прямо в глаза. Глаза у нее светло-карие и блестят, как рыбы в ручье. – Не рассказывай папе про свой сон, ладно? И о Людях зимы тоже не говори. Он... он тебя просто не поймет.

Я с энтузиазмом киваю и спрыгиваю с кровати на пол. Сегодня я – зверь из джунглей. Лев или, может быть, тигр – хищник с большими клыками и острыми когтями, который живет далеко за морем – в тропическом лесу, где всегда жарко и темно. Мисс Делайла показывала нам книжку, в которой были картинки всех животных, каких благочестивый Ной взял с собой в Ковчег: лошадей и быков, слонов и жирафов. Больше всего мне понравились большие кошки. Я знаю, что они умеют ходить очень тихо и беззвучно крадутся в ночи – совсем как я.

– Р-р-р!.. – рычу я, покидая спальню. – Берегись, папа! Самый большой тигр в джунглях уже близко. Если ты не поостережешься, он проглотит тебя целиком, вместе с костями и ботинками.

Мартин

12 января 1908 г.

Мартин знал Сару с рождения. Ее родные жили на ферме у подножия высокого холма в трех милях от городка. Местные жители называли холм Чертовы Пальцы, потому что на самой его вершине торчали пять высоких голых скал, похожих на воздетую к небесам гигантскую руку. «Прóклятая земля! – говорили об этом месте старожилы. – Место, где обитают призраки». Земля на ферме и в самом деле была не слишком плодородной – сплошная глина и камни, и все же Харрисонам удавалось выращивать на своем участке сколько-то картофеля и репы, которую они обменивали в городе на муку и сахар и таким образом сводили концы с концами. Впрочем, то, что каждый грош достается им нелегко, видно было сразу. Все Харрисоны были болезненно худыми, если не сказать – тощими, с темными волосами и глазами, и только Сара была другой. На солнце ее волосы отливали золотом, а в светло-карих глазах плясали яркие искорки. Мартину она казалась пришелицей из другого мира – не то сиреной, не то русалкой, не то еще каким-то сказочным существом, о каких он только читал в книгах, но не думал, что они могут существовать на самом деле.

Мать Сары умерла через считанные часы после рождения дочери, и старый Джозеф Харрисон растил Сару и двух старших детей один. Правда, в городе ходили слухи, будто одно время у него была какая-то женщина, которая жила с ним как жена. Говорили, что она – настоящая индианка, что она ни с кем не разговаривает и одевается

чуть ли не в звериные шкуры. Кто-то утверждал, что она и сама наполовину животное и умеет превращаться в медведя или оленя. От своего отца Мартин, впрочем, знал, что таинственная женщина жила в лесу – в маленькой хижине сразу за Чертовыми Пальцами – и что жители городка обращались к ней, если кто-нибудь в семье серьезно заболел. «Если врачи не помогали, люди шли к ней», – говорил его отец.

Куда потом исчезла эта женщина, Мартин не знал. Она то ли утонула, то ли погибла на охоте, то ли с ней случилось что-то еще. Единственное, что было известно ему более или менее достоверно, так это то, что несчастный случай с таинственной индеанкой произошел вскоре после того, как повесился старший брат Сары. Как-то раз, когда они были уже женаты, Мартин спросил Сару, что произошло с той женщиной, но в ответ она только покачала головой.

«Ты, наверное, что-то перепутал, – сказала она. – Или просто наслушался, что болтали о нас в городе. Местные жители обожают сплетни, и тебе это известно не хуже, чем мне. Нет, – повторила Сара, – нас было только четверо: папа, Констанс, Джейкоб и я. Никакой женщины не было».

Как-то, классе в шестом, Мартин с приятелями играли на школьном дворе в «шарики». В игре принимал участие и его старший брат Лусиус. В тот день Мартину повезло: ему удалось выиграть у брата его любимый шар – оранжевый с желтыми полосками шар из настоящего агата, который Лусиус называл Юпитером. Крепко сжимая в кулаке свой приз, Мартин думал о планетах и их орбитах, когда к ним подошла Сара Харрисон. День был солнечный, и в ее глазах сверкали яркие искорки, которые были почти такого же цвета, что и полоски на только что выигранном им шаре. Мартину, который никогда прежде не обращал на Сару внимания, она вдруг показалась невероятно красивой, и он, на секунду растерявшись, сделал первое, что пришло ему в голову – протянул ей Юпитер.

«Нет!» – выкрикнул Лусиус, но было уже поздно. Сара взяла шар и улыбнулась.

«Я выйду замуж только за тебя, Мартин Ши, – сказала она. – И ни за кого другого. Вот увидишь».

Остальные ребята – Лусиус в том числе – так и покатались со смеху.

«Ты просто спятила, Сара Харрисон!» – выкрикнул кто-то, но она не спятила. Свои слова она произнесла с такой убежденностью, что Мартин ни на секунду не усомнился: все будет именно так, как она сказала. И хотя он смеялся вместе со всеми (ему и в самом деле показалось смешным, что такая красивая девочка, как Сара, вдруг выбрала его), в глубине души Мартин знал, что это не шутка.

В школе Мартина считали странным. Высокий, нескладный, с руками и ногами, торчащими из слишком коротких рукавов и штанин, он обожал чтение и даже на переменах не бегал со всеми, а сидел в уголке, уткнувшись то в «Швейцарского Робинзона»,^[2] то в «Остров сокровищ» или «Двадцать тысяч лье под водой». Мартин мечтал о приключениях и твердо верил, что в его груди бьется отважное сердце героя. Увы, в Уэст-Холле не было пиратов, с которыми нужно было сражаться, да и перспектива потерпеть кораблекрушение и быть выброшенным на необитаемый остров выглядела достаточно туманно. Вместо этого Мартину приходилось работать на семейной ферме – косить сено, доить коров, швырять вилами навоз. От этой монотонной, ежедневной рутины можно было сойти с ума, но Мартин продолжал считать, что появился на свет вовсе не для того, чтобы стать простым фермером, и что когда-нибудь он все же отправится навстречу настоящим, головокружительным приключениям. Нужно просто подождать, думал он и... продолжал грезить наяву и хватать плохие оценки в школе. Мартин не успевал почти по всем предметам, тогда как его брат Лусиус считался гордостью школы. Он был не просто старше, но и сильнее, ловчее, храбрее, целеустремленнее и... привлекательнее чисто внешне. Во всяком случае, именно за него мечтали когда-

нибудь выйти замуж все девчонки, и только Сара Харрисон почему-то обратила свое внимание на него, на Мартина... Непонятно было только, что она в нем нашла.

Тогда Мартину было невдомек, что одним из талантов Сары было умение видеть будущее. Не постоянно, нет, но иногда с ней случалось что-то вроде коротких прозрений, и тогда она, словно заглянув в какой-то волшебный телескоп, твердо и без тени сомнения предсказывала события, которые сумела в нем разглядеть.

«Ты никогда не уедешь из Уэст-Холла, Мартин», – сказала она на пикнике в честь праздника Четвертого июля, когда ему было двенадцать. В этот день почти весь город собрался на засеянной травой городской площади – перед только что построенной крытой эстрадой для оркестра. Кто-то танцевал, но большинство расстелили на траве одеяла и расставили корзины со снедью. Мартин и Сара тоже собирались перекусить, но сначала они поболтали с Лусиусом, который ради них ненадолго спустился с эстрады (в городском оркестре, состоявшем из полудюжины мужчин, он играл на трубе). Осенью ему предстояло отправиться в Берлингтон – Лусиус только что окончил школу и, благодаря отличным оценкам, получил полную стипендию в университете Вермонта.

«Откуда ты знаешь?» – спросил Мартин, поворачиваясь к Саре, которая опустилась на одеяло рядом с ним.

«А ты никогда не думал о том, что приключения, к которым ты так стремишься, могут ждать тебя здесь?» – ответила она вопросом на вопрос.

Это предположение показалось Мартину настолько нелепым, что он от души расхохотался. Сара тоже улыбнулась – несколько снисходительно, потом сунула руку в кармашек своей вязаной кофты и достала какой-то предмет. Это был тот самый желто-оранжевый шарик – Юпитер. Опустив шарик в карман его рубашки, Сара наклонилась вперед и поцеловала Мартина в щеку.

«С праздником тебя, Мартин Ши!»

Именно тогда Мартин решил, что Сара была права – что именно на такой девчонке он хотел бы когда-нибудь жениться и что она, возможно – только *возможно!* – и была тем самым захватывающим приключением, которое ждало его на жизненном пути.

«Знаешь, Мартин, – шепнула Сара в их первую брачную ночь, легко касаясь губами его уха и запустив пальцы ему в волосы, – когда-нибудь у нас будет девочка».

И, разумеется, это предсказание тоже сбылось.

Семь лет назад, потеряв трех младенцев еще в утробе и похоронив сына Чарли, который прожил всего два месяца, Сара произвела на свет Герти. Девочка родилась совсем крошечной, и Лусиус сказал, что она, скорее всего, не жилец.

К этому времени брат Мартина уже закончил учебу в университете и вернулся из Берлингтона дипломированным врачом. Поначалу он работал вместе со старым доктором Стюартом, но тот вскоре ушел на покой, и Лусиус остался единственным врачом в городе.

«Мне очень жаль, брат», – добавил он, закрывая свой медицинский саквояж, а потом положил руку на плечо Мартину.

Но Лусиус ошибся: умирать Герти не собиралась. Напротив, она с жадностью сосала материнскую грудь и набиралась сил буквально с каждым днем. Герти стала их «чудесным ребенком», и Сара буквально лучилась счастьем. По ночам девочка спала у нее на груди, а Сара смотрела на мужа взглядом, который яснее ясного говорил: «Вот теперь в мире действительно все в порядке!» Мартин испытывал те же чувства. Пожалуй, ни одно приключение, о которых он когда-то мечтал, не могло бы иметь более счастливого исхода.

Материнскую грудь Герти давно уже не сосала, однако ее привязанность к матери с годами только крепла. Они никогда не разлучались больше чем на несколько минут, всюду ходили вместе и все время переписывались своим секретным способом, выводя пальцем какие-то слова друг у друга на ладонях. Мартин, впрочем, был абсолютно уверен: слова были им не особенно нужны, потому что мать и дочь давно научились читать мысли друг друга. Бывало,

сидя с ними за обеденным столом, он наблюдал, как они беседуют с помощью улыбок, смеха и легких кивков, и чувствовал, как внутри него разгорается что-то похожее на ревность. Тщетно он пытался разделить с женой и дочерью их секреты и маленькие шутки – смеялся Мартин всегда невпопад, и Герти смотрела на него снисходительно, словно это она была взрослой, а он – маленьким и глупым ребенком. Со временем Мартин смирился, поняв, что между Сарой и Герти существует особого рода связь, которая ему попросту недоступна, и что он никогда не сможет стать полноправным членом их союза. Его, впрочем, это почти не расстроило, поскольку он уже давно считал себя самым счастливым мужем и отцом на свете. Иметь в доме двух *таких* женщин было все равно что жить вместе с феями и русалками – сказочно прекрасными, но непостижимыми существами.

Иногда, однако, Мартин задумывался о том, что из-за череды выкидышей и смерти новорожденного сына Сара чрезмерно балует и опекает Герти. Это было понятно и естественно, и все же ему не слишком нравилось, когда жена не пускала дочь в школу только из-за того, что ей казалось, будто у Герти начинается насморк или поднимается температура. Порой же Мартин и вовсе начинал думать, что в глубине души Сара обвиняет его в смерти тех своих детей, которые так и не появились на свет. Каждый выкидыш действительно давался ей тяжело: Сара неделями не вставала с постели, постоянно плакала и почти ничего не ела, но Мартин всегда старался быть с ней рядом, чтобы жена видела: он разделяет ее горе.

Потом появился Чарльз. Он родился здоровым и крепким мальчиком с густыми темными кудряшками на голове и сморщенным личиком маленького, мудрого старичка. Ничто не предвещало беды, но однажды утром они нашли его в колыбельке бездыханным и уже остывшим.

Все дальнейшее Мартин до сих пор вспоминал как кошмар. Крепко прижав к себе тело сына, Сара не выпускала его из рук буквально ни на минуту. Прошел день, прошла ночь, снова

наступило утро, но она по-прежнему баюкала на руках мертвое дитя. Когда же Мартин попытался забрать тело, Сара ответила, что Чарльз вовсе не умер.

«Я слышу, как он дышит, – сказала она убежденно. – Слышу, как бьется его маленькое сердечко».

И Мартин в страхе попятился от жены.

«Сара, пожалуйста...» – только и сказал он.

«Не подходи! – прорычала она. – Убирайся! Оставь нас в покое!» – С этими словами Сара еще крепче прижала мертвого ребенка к груди, а в ее глазах сверкнуло пламя безумия.

В конце концов Лусиусу пришлось дать ей сильное снотворное. И только когда Сара заснула, Мартин сумел вырвать мертвого сына из ее судорожно сжатых рук.

Именно после этого Мартину стало казаться, что и в череде выкидышей, и в смерти его первенца виновата земля, на которой они жили – сто двадцать акров, доставшихся Саре по наследству (если не считать ее старшей сестры Констанс, которая давно вышла замуж и уехала в Грэнитвиль, Сара была единственной прямой наследницей своего отца). Да, думал он, во всем виновата эта бесплодная, каменистая глина, на которой неохотно росли даже сорняки, а вода немногочисленных сбегавших с холма ручьев была солоноватой на вкус и припахивала серой даже весной, в пору таяния снега. Выжить здесь было нелегко – для этого требовалось немало сил, поэтому и смерть маленького Чарли, и три предыдущих выкидыша со временем перестали казаться ему чем-то из ряда вон выходящим и необъяснимым.

Сейчас, сжимая в руках ружье, Мартин двигался по следу лисицы на восток. Его путь лежал через заснеженное поле, по которому он ни за что бы не прошел, если бы не снегоступы, сплетенные им из ивовых прутьев и обшитые понизу оленьим камусом. Дыхание клубами вырывалось у него изо рта. Четкая лисья стежка поднималась на склон и вела через заброшенный сад, который много лет назад посадил еще дед Сары. За деревьями никто не

ухаживал, и они дичали и болели. Немногочисленные груши и яблоки, которые они давали далеко не каждый сезон, были твердыми, червивыми, изуродованными гнилью и паршой.

Сара и Герти, наверное, уже встали, думал Мартин, машинально переставляя обутые в снегоступы ноги. Встали и гадают, куда он подевался... Кофе, наверное, уже готов, а в духовке поспевают пресные лепешки. На мгновение ему захотелось вернуться, но он знал, что должен довести дело до конца и убить лису, которая в противном случае так и будет наведываться в курятник, пока не передушит последних птиц. Кроме того, Мартину хотелось показать жене и дочери, что он в состоянии их защитить, как и подобает настоящему мужчине. Лиса угрожает их благополучию? Что ж, он убьет лису, снимет с нее шкуру и подарит Саре. То-то она удивится!.. Быть может, она даже сумеет сшить из нее теплую шапку для Герти – Сара на редкость ловко управлялась с иглой и ниткой, и эта работа была ей вполне по плечу.

В саду Мартин ненадолго остановился, прислонившись плечом к старой скрюченной яблоне. Прежде чем двигаться дальше, ему нужно было перевести дыхание. Снег, который еще недавно падал ленивыми, редкими хлопьями, пошел сильнее; он кружился и танцевал в воздухе, мешая как следует рассмотреть окружающее, и на мгновение Мартину показалось, что он заблудился. Куда идти дальше? В какой стороне его дом?

Позади него послышался шорох, словно сквозь сугробы быстро пробиралось что-то большое. Мартин стремительно обернулся, но там никого не было, и он, до боли прикусив губу, прикоснулся к теплomu кольцу в кармане.

В десяти ярдах перед ним сдвинулась с места скрюченная старая яблоня. Присмотревшись, Мартин различил сторбленную старуху, одетую в одежды из звериных шкур. Ее седые волосы были спутаны и напоминали змеиное гнездо.

– Эй! – крикнул Мартин.

Старуха обернулась и посмотрела на него. Внезапно она улыбнулась, обнажив мелкие острые зубы в коричневых пятнах. Мартин моргнул – и старуха пропала. Перед ним снова была старая яблоня, согнувшаяся под тяжестью налипшего снега. Из-за ее ствола неожиданно выскочила лисица, все еще державшая в зубах недоеденную куриную тушку. На мгновение она замерла, глядя на Мартина своими золотыми глазами, и он, затаив дыхание, вскинул к плечу ружье и прицелился. Лисица продолжала смотреть на него огненными глазами, и на мгновение ему показалось, что вместо обыкновенного зверя он видит перед собой Сару.

«Я выйду замуж только за тебя, Мартин Ши!»

«Когда-нибудь у нас будет девочка».

Мартин снова сморгнул, пытаясь отогнать наваждение. В конце концов, перед ним была не хитрая кумушка-лиса из детских сказок, а мелкий лесной хищник, который повадился таскать его кур. Это все воображение виновато – воображение, да еще книги, которые он так любил в детстве.

И действительно, когда Мартин открыл глаза, перед ним снова была обычная лиса. Выронив курицу, она метнулась в сторону за мгновение до того, как Мартин спустил курок.

– Проклятье! – выругался он, поняв, что промазал.

Но нет – бросившись в погоню, Мартин увидел на снегу капли свежей крови. Похоже, он все-таки ранил воровку. Наклонившись, Мартин коснулся следов на снегу, и его пальцы окрасились красным. Зачем-то он поднес их к губам и лизнул. Кровь имела резкий, солоновато-медный вкус, и его рот наполнился слюной.

Держа ружье наготове, Мартин двинулся по следу, который вел через сад к Чертовым Пальцам, переваливал через каменистый гребень холма и снова спускался в лес. Капли крови попадались теперь реже, и преследовать раненую лисицу стало труднее, к тому же в лесу его со всех сторон обступили буки и клены. Сбросившие листву и одевшиеся в снежные шубы деревья казались незнакомыми, и Мартин снова подумал, что он заблудился. В

течение почти целого часа он продирался сквозь чащу, путаясь в засыпанных снегом кустах. Прошлогодние стебли лесной малины и ежевики цеплялись за одежду, царапали руки и, казалось, так и норовили хлестнуть по лицу, но Мартин упрямо шел по следу, стараясь не думать о том, что с каждым шагом он уходит от дома все дальше. А снег посыпал еще сильнее, и Мартин несколько раз спросил себя, не отказаться ли ему от погони, пока не началась настоящая метель.

В конце концов Мартин все же решил, что повернуть назад именно сейчас, когда он потратил на преследование столько времени, было бы просто глупо. Стараясь не замечать усилившуюся боль в ноге, Мартин ускорил шаг.

О том, что случилось с его ногой, он старался думать как можно реже, но подробности несчастного случая сами собой всплывали в памяти именно в самые тяжелые минуты, когда Мартину казалось, что весь мир обернулся против него.

Это произошло в конце августа, примерно через год после того, как они с Сарой поженились. В тот злополучный день Мартин с утра отправился в лес, чтобы нарубить дров. Ему повезло – он почти сразу набрел на обширную прогалину, где лежало несколько поваленных ветром деревьев, успевших как следует высохнуть. Ему оставалось только заготовить поленья подходящего размера и погрузить их в фургон.

Он проработал все утро, потом сел на лошадь верхом и съездил домой пообедать, а затем снова вернулся на поляну. Мартин был очень доволен тем, как много он успел сделать – и рассчитывал сделать еще больше. Сару Мартин предупредил, чтобы она держала ужин на огне, поскольку он вернется сразу же, как только наполнит фургон доверху или когда стемнеет.

Услышав эти слова, Сара нахмурилась. Она не любила, когда муж задерживался в лесу после наступления темноты.

«Постарайся не слишком задерживаться, ладно?» – попросила она.

Но работа шла так хорошо, что Мартин увлекся и сам не заметил, как пали сумерки, как настал и закончился вечер. Он пилил и пилил, и хотя натруженные плечи и руки давно ныли, это была приятная боль. Наконец настал момент, когда в фургон нельзя было больше впихнуть и самое маленькое поленце. Только тогда Мартин отложил пилу, снова впряг лошадь в фургон и начал медленно спускаться по извилистой, каменистой тропе. К этому времени стало уже совсем темно, и он вел лошадь под уздцы, направляя фургон в обход канав, корней и валявшихся прямо на тропе камней. Они уже миновали Чертовы Пальцы, когда лошадь внезапно встала как вкопанная.

«Ну, давай, пошла!» – прикрикнул на нее Мартин и, потянув поводья, слегка подстегнул лошадь подобранной по пути хворостиной, но она только фыркнула и продолжала упираться. Беспокойно прядая ушами, лошадь уставилась в темноту впереди, словно почуяв на тропе зверя, и рука Мартина потянулась к рукоятке заткнутого за пояс топора.

«Но-о!» – Он сильнее потянул повод, но лошадь мотнула головой, захрапела и попятилась – и в тот же миг где-то впереди громко хрустнул во мраке сухой сучок.

«Ну-ну, не бойся! – проговорил Мартин и попытался успокоить испуганную лошадь, ласково похлопывая ее по шее. – Постой-ка здесь, а я пойду посмотрю, что там такое». И, выпустив поводья, он достал топор и шагнул вперед.

Он так и не узнал, что так напугало лошадь в ту ночь – зверь или, может быть, человек. Впоследствии, когда Лусиус расспрашивал его о подробностях, Мартин ответил, что ничего не видел. Быть может, предположил он, лошадь напугал резкий звук или запах какого-то хищного зверя.

«Вообще-то мне не очень верится, что твоя старая кобыла могла напугаться звука сломавшейся ветки, – покачал головой Лусиус. – Она ведь у тебя спокойная, как... как я не знаю что. Должно быть, она и в самом деле почуяла медведя или рысь. В противном случае она бы не испугалась неизвестно чего».

Мартин только кивнул. Он так и не признался ни брату, ни даже Саре, что он разглядел в темноте. Белесоватое пятно, похожее по цвету на брюшко совы, только намного больше. И оно двигалось. На его глазах оно сорвалось с нижних ветвей дерева и спикировало на тропу, издавая на лету чуть слышное шипение. Это пятно... оно чем-то напоминало очертания человеческой фигуры, вот только ни один человек не мог двигаться так быстро и проворно. И от него пахло – пахло чем-то вроде сгоревшего на сковородке сала или горелых тряпок.

Для лошади это было уже слишком. Тоненько, тревожно заржав, она сорвалась с места и ринулась вперед, увлекая за собой тяжелый фургон. Мартин услышал за спиной топот копыт и грохот колес, но страх, который он испытал при виде серого пятна, буквально парализовал его, поэтому отскочить с дороги он не успел. В последний момент Мартин все же рванулся в сторону, но опоздал. Прямо над ним сверкнули вылезшие из орбит глаза лошади, потом она толкнула его плечом, и он полетел на землю. Удар копытом пришелся в бедро, и Мартин услышал, как с хрустом сломалась кость. Еще через миг он с силой ударился виском о камень, но сознания не потерял и успел почувствовать, как колесо фургона наехало на его и без того пострадавшую ногу, раздробив лодыжку и ступню. Он буквально ощущал, как со скрежетом трутся друг о друга осколки костей. Боль была невероятной, но она существовала как бы отдельно, словно все это происходило не с ним. Потом в лесу снова хрустнул сучок, Мартин обернулся на звук и успел увидеть, как белесая фигура быстро отступает в лес и тает между деревьями.

Только после этого мир перед его глазами окончательно померк.

На половине спуска с холма фургон налетел на большой камень и развалился, а взмыленная лошадь приволокла к стойлам то, что от него осталось: дышло и переднюю ось. Даже окованные железом колеса – и те разлетелись вдребезги, усыпав склон обломками ободьев и спиц.

Как только Сара увидела, что осталось от фургона, она схватила фонарь и отправилась на поиски.

«Я была уверена, что найду только твое изуродованное тело, – призналась она ему много позднее. – Я... я едва заставила себя подняться по тропе – настолько мне не хотелось видеть то, что могла сделать с тобой взбесившаяся лошадь».

Но она нашла его живым, хотя и без сознания. Подобрав валявшийся рядом топор, Сара сумела смастерить из двух молодых деревьев и мужниной куртки что-то вроде волокуши. Взвалив на нее неподвижное тело, она потащила его вниз.

Лечение заняло несколько недель. Лусиус, как мог, вправил раздробленные кости и наложил лубки. Сара, стараясь ускорить выздоровление, прикладывала к больной ноге припарки и компрессы из целебных трав, но дело шло медленно. И все это время Мартин снова и снова спрашивал жену, как она, такая хрупкая и слабая, сумела в одиночку дотащить его с холма домой.

«Наверное, это Бог мне помог, – отвечала она. – Иначе я, конечно, не смогла бы этого сделать».

Сейчас Мартин продолжал быстро ковылять по следу лисицы. Где он находится и сколько времени прошло с тех пор, как он отправился в погоню, Мартин сказать не мог. По привычке он поднял голову, чтобы взглянуть на солнце, но небо было затянуто такими плотными облаками, что определить положение светила на небосводе было невозможно даже приблизительно. Похоже, он и в самом деле ухитрился заплутать, хотя леса вокруг фермы, где Мартин на протяжении многих лет охотился, рубил дрова или добывал сладкий кленовый сок, были ему хорошо знакомы. Увы, сейчас он не видел ни одного ориентира, который помог бы ему определить свое местоположение. Сбросившие листву деревья казались незнакомыми, а их скрюченные, узловатые стволы наводили на мысли о неведомых лесных тварях. В довершение всего снег повалил гуще, засыпав или изменив до неузнаваемости даже самые приметные камни. Лисьи следы на снегу были

единственной реальностью – единственным, в чем он мог быть уверен, поэтому, когда они повернули назад к гребню холма, Мартин вздохнул с облегчением, хотя подниматься в гору было еще труднее, чем спускаться. Он устал, проголодался и продрог, нога болела, а во рту пересохло. Несколько раз Мартин наклонялся, чтобы зачерпнуть пригоршню снега и отправить ее в рот, но талая вода почти не утоляла жажду.

Вскоре он пересек свои собственные, уже наполовину занесенные снегом следы, и стал карабкаться на самую вершину холма. Эта часть подъема была особенно крутой; несколько раз он оскальзывался и не падал только потому, что успевал вовремя схватиться за торчащие из-под снега стволы молодых буков. Пот струился по его спине рекой, однако Мартин продолжал подъем. Еще одно усилие – и вот он уже вступил на верхушку холма, где высились Чертовы Пальцы – пять черных гранитных обелисков, одетых в перчатку из свежего снега. Снег покрывал ровным слоем и все пространство между ними, и только у подножия центральной скалы он был слегка сдвинут в сторону. Присмотревшись, Мартин разглядел под камнем что-то вроде лаза, которого раньше здесь не было, хотя, возможно, он его просто не замечал.

Лаз вел в небольшую пещеру.

Стараясь ступать как можно осторожнее, Мартин подкрался ближе. Вход в пещеру был очень узким – таким, что взрослый человек едва мог в него протиснуться, зато сама пещера оказалась достаточно просторной, хотя не слишком глубокой. Скорее это было просто небольшое уютное углубление под скалой.

Лисица прижалась к дальней стене пещеры. Она тяжело дышала, но не двигалась с места: вероятно, ей казалось, что в полутьме враг не сможет ее разглядеть, но Мартин увидел ее почти сразу. Выпущенный им в яблоневом саду заряд дроби попал лисице в бок, вырвав изрядный кусок меха. Теперь там виднелась кровавая рана величиной с пол-ладони; кровью пахло и в пещере, и Мартин с удовольствием втянул носом этот густой, медный запах.

Лисица искоса наблюдала за ним и, дрожа всем телом, ожидала, что он предпримет.

Мартин поднял ружье и, направив его на зверя, тщательно прицелился. Он метил в голову, не желая еще больше испортить шкурку.

Грянул выстрел – и лисица замертво упала на каменный пол.

Прислонив ружье к скале, Мартин опустил на четвереньки и стал протискиваться в пещеру, чтобы забрать добычу.

* * *

– Где Герти?! Ты ее не видел? – выкрикнула Сара, когда Мартин вышел из хлева. Он только что снял с лисицы шкуру и прибил гвоздями к стене, чтобы она просохла. Мартин очень старался сделать все как следует и все же подрезал мездру в нескольких местах – слава богу, обошлось без сквозных дырок! Сара справилась бы с этой работой гораздо быстрее и аккуратнее, но он по-прежнему хотел сделать ей сюрприз.

После полутьмы хлева свежевыпавший снег едва не ослепил его, поэтому, прежде чем ответить на вопрос, Мартин несколько раз моргнул.

– Ее здесь нет, – сказал он наконец и вздохнул. Мартин устал, продрог до костей, и теперь ему не терпелось оказаться за столом в теплой кухне. Да, он прикончил лисицу, но вместо ожидаемой гордости и удовлетворения им неожиданно овладело какое-то странное беспокойство. Возможно, дело было в том, что финал его утренней охоты слишком напоминал обыкновенное убийство – убийство напуганного, загнанного в угол зверя. Запертая в пещере лиса ничего не могла сделать, и это казалось ему... нечестным.

Только потом Мартин обратил внимание на выражение лица Сары. Она была бледна и напугана, в глазах плескалась подступающая паника. Несмотря на холод, она даже не надела куртку и сейчас

крупно дрожала в тонкой кофте, брошенной поверх домашнего платья. Крупные хлопья снега ложились ей на плечи и застревали в волосах, но Сара этого не замечала.

– Где ты был? – Она окинула взглядом его ссутулившуюся фигуру, промокшие башмаки и свежие пятна крови на коленях и полах куртки. – Где ты был, Мартин?!

– Лиса вернулась, – пояснил он. – Она задушила трех наших несущек. К счастью, мне удалось выследить ее и убить... – Произнося эти слова, Мартин с гордостью выпрямился. Посмотри, словно хотел он сказать, я еще на что-то способен, не так ли?.. Я защитил то, что принадлежит нам, нашей семье. Разве я не молодец, а?..

– Я принес лисицу домой и освежевал, – добавил он. – Из шкуры получится отличная теплая шапка для нашей Герти.

Сара вскинула руку и с неожиданной силой вцепилась в рукав его куртки.

– Значит, Герти не с тобой?

– Разумеется нет, – покачал головой Мартин. – Когда я уходил, вы обе были еще в постели, – нетерпеливо добавил он. Ему хотелось поскорее переодеться в сухое, позавтракать и выпить чашку горячего кофе, поэтому стремление жены постоянно держать Герти в поле зрения раздражало его больше обычного.

– Я думал, что она с тобой, – добавил он.

– Герти убежала, когда увидела в окно, что ты вышел во двор. Она хотела помочь тебе собрать яйца и... – Сара неожиданно всхлипнула. – Накинула пальто – и была такова. Ты ее правда не видел?

Мартин покачал головой:

– Нет.

– Но ведь это было несколько часов назад!.. – Сара бросила испуганный взгляд в сторону заснеженного поля, но там никого не было. Снег и поднявшийся сильный ветер давно уничтожили все утренние следы.

Мартин тоже посмотрел в сторону поля, потом обвел взглядом пустой двор. Только сейчас он встревожился.

Даже более искусный следопыт, чем он, не мог бы сказать, куда направилась девочка.

Мартин

12 января 1908 г.

Они обыскивали поля и лес на протяжении еще нескольких часов. Ближе к вечеру снегопад прекратился, но холод с каждым часом усиливался. Снег был сухим, сыпучим, и ветер наметал сугроб за сугробом, отчего и двор, и поля стали похожи на волнующееся море, в одно мгновение схваченное жестоким морозом в лед.

Сколько времени может прожить ребенок, оказавшись в такую погоду под открытым небом? Мартин старался не думать об этом, сосредоточившись на том, чтобы шагать вперед, время от времени выкрикивая имя дочери. Он не ел весь день, только заскочил в дом, чтобы выпить кружку воды, и теперь голод немилосердно терзал его внутренности, а отчаяние, словно ледяными тисками, сжимало сердце. В довершение всего у него нещадно разболелась голова, и он почти потерял способность мыслить разумно и логично. Теперь все его силы уходили на то, чтобы держать под контролем панику, грозившую захлестнуть его с головой, как волна захлестывает обессиленного пловца. Мартина поддерживало лишь сознание того, что ради Сары он обязан сохранять хотя бы видимость спокойствия, ибо только так он мог убедить ее в том, что все закончится хорошо. Сам Мартин, однако, в это уже почти не верил, и только надежда толкала его все дальше и дальше через заснеженные поля и лес.

Сара с ним не пошла. Она старалась не отходить слишком далеко от дома на случай, если Герти вдруг вернется. Мартин слышал, как

она зовет дочь, и даже когда он перевалил за холмы, ветер время от времени доносил до него ее исполненные отчаяния крики. «Герти! Герти! Герти!» – Бесконечное повторение имени девочки накладывалось на завывания и свист ветра, так что в конце концов Мартину начало слышаться издевательское «Хрен тебе! Хрен тебе!» К счастью, вскоре и эти слова превратились в абракадабру, в бессмысленный набор звуков, однако он продолжал инстинктивно напрягать слух, пытаясь вычленив имя дочери в доносящихся до него криках. От этого у него еще сильнее разболелась голова. Искалеченная нога тоже пульсировала болью, и Мартин боялся, что она попросту откажется ему служить. И то сказать – если считать с утра, то он прошел, наверное, уже несколько десятков миль и теперь переставлял обутое в снегоступы ноги чисто машинально. Увы, никаких следов Герти Мартин так и не обнаружил.

«Хрен тебе!..»

Внезапно он вспомнил лисицу, которая удирала прочь, держа в зубах окровавленную куриную тушку.

Мертвая птица...

...Представил, как дочь идет по его следам все дальше и дальше в лес...

Мертвая Герти...

«Хрен тебе!..»

Мартин зажал уши руками, зажмурился – и, оступившись, рухнул в снег. Он знал, что его обязанность мужчины и главы семьи заключается в том, чтобы оберегать жену и дочь, сражаться с угрожающими им опасностями, защищать их общее имущество и так далее... И вот теперь он беспомощно валялся в снегу, не в силах спасти себя самого.

– Герти!!! – закричал Мартин во всю силу легких.

Но в ответ слышал только вой ветра.

Наконец он поднялся и, оберегая покалеченную ногу, которая при каждом шаге грозила подогнуться под его весом, стал спускаться с холма. Короткий зимний день близился к концу, и Мартин знал, что

ему пора возвращаться. Скоро должно было стемнеть, а он не представлял, как продолжать поиски ночью.

Когда Мартин двигался через поле, он заметил Сару, которая вышла из хлева. Поверх кофты она накинула толстый шерстяной платок, но даже издали ему было хорошо видно, что жена сильно замерзла. То и дело проваливаясь в снег, она неверными шагами кружила по двору, продолжая выкрикивать хриплым, осипшим голосом:

– Герти! Герти! Герти!

Перчаток на ней не было, руки посинели от холода, и только кончики пальцев были окрашены подсыхающей кровью – каждый раз, когда Сара нервничала или волновалась, она принималась жестоко грызть ногти, обкусывая их почти до мяса.

Точно такие же руки были у нее, когда Сара прижимала к себе мертвое тельце малыша Чарли.

«Я слышу, как бьется его маленькое сердечко».

Если теперь они потеряют и Герти, подумал Мартин, Сара это убьет.

Заметив мужа, Сара бросилась к нему навстречу. В ее широко раскрытых глазах горел огонек надежды.

– Ну, ты что-нибудь нашел?!

Мартин отрицательно покачал головой.

Она смотрела на него почти целую минуту как человек, который не в силах поверить собственным ушам, и Мартин снова вспомнил золотистые лисьи глаза во мраке пещеры, которые смотрели на него, сквозь него...

– Скоро стемнеет, – сказала наконец Сара. – Возьми лошадь и скачи в город. Расскажи обо всем Лусиусу и шерифу Дею – пусть соберут людей с фонарями и факелами. Как можно больше людей, слышишь?! И загляни по дороге к Бемисам – вдруг они видели нашу девочку. Она могла пойти к ним, чтобы поиграть с Ширли...

– Хорошо, я отправлюсь сейчас же, – пообещал Мартин, опустив руку на плечо жены. – А ты ступай в дом, ты замерзла, тебе нужно

согреться. Я приведу помощь.

Мартин проголодался и хотел пить, но зайти в дом – хотя бы только для того, чтобы попить воды, – казалось ему проявлением эгоизма. Да и Сара бы его не поняла: она наверняка считала, что их девочка еще жива и что каждая лишняя минута, проведенная на морозе, может стоить ей жизни. Увы, сам Мартин уже почти не верил в благополучный исход, однако ему не хотелось лишать Сару последней надежды, и он решил, что по дороге в город остановится у ручья, который сбегал с холмов и замерзал только в самые сильные морозы. Он спешится, ляжет в снег на берегу и станет пить, как животное, пока от холода не заломит зубы и затылок.

– Мартин, – сказала вдруг Сара, беря его за руки. – Помолись со мной. Пожалуйста!

Мартин никогда не был особенно набожным человеком. Сара и Герти каждый вечер молились перед сном, но он никогда не принимал в этом участия. Правда, каждое воскресенье Мартин ходил с ними в церковь и слушал, как преподобный Эйерс читает Священное Писание, но это было, пожалуй, все. При этом он не был неверующим, просто ему казалось, что Бог вряд ли обратит внимание на его молитвы. Миллионы людей молятся Ему каждый день, так с какой стати Он станет прислушиваться к просьбам какого-то Мартина Ши из затерянного в глуши Уэст-Холла? И только сейчас, когда последняя искра надежды в его душе погасла, сменившись безысходностью и отчаянием, Мартин готов был испробовать это последнее средство. Вот почему в ответ на просьбу жены он кивнул и, сняв шляпу, склонил голову, а Сара крепко сжала его руку своими окровавленными пальцами.

– Господи, пожалуйста... Прошу Тебя... – начала она хриплым, срывающимся голосом, и Мартин, не утерпев, бросил на нее быстрый взгляд. Глаза Сары были закрыты, лицо покрылось красными пятнами, из носа текло. – ...Прошу Тебя, спаси нашу Герти, огради от опасности и возврати ее нам. Она – хорошая, добрая девочка, и... – Голос ее снова прервался. – Она – все, что у нас есть.

Если мы ее потеряем, я... я больше не смогу... – Сара не договорила – рыдания сотрясли ее тело, и Мартин быстро закончил:

– Аминь.

Сара открыла глаза, выпустила его руку и медленно пошла к дому. Голова ее по-прежнему была опущена, а губы беззвучно шевелились, словно она продолжала разговор с Богом, упрасывая, умоляя – или пытаюсь заключить с Ним сделку. Проводив ее взглядом, Мартин повернулся и распахнул дверь хлева.

Не успел он войти, как стоявшие в стойлах животные дружно напомнили ему, что сегодня их так и не покормили. Корова к тому же осталась недоеной; когда Мартин проходил мимо нее, она жалобно замычала, но сейчас ему было не до молока. Сняв со столба старое, потрескавшееся седло, он двинулся туда, где стояли обе их лошади, но вдруг остановился. Что-то привлекло его внимание – что-то такое, от чего сердце Мартина едва не выпрыгнуло из груди. Седло, которое он держал в руках, вдруг показалось ему таким тяжелым, что он с трудом удерживал его в ставших скользкими от пота руках.

Лисья шкура исчезла.

Всего несколько часов назад он собственноручно растянул ее на северной стене и, прибив гвоздями, некоторое время любовался плодами своего труда, во всех подробностях представляя роскошную лисью шапку, которую сошьет для Герти Сара. Когда он уходил, шкура была на месте, но сейчас она пропала.

Вместо нее...

Мартин не сразу разглядел, что висит на одном из торчащих в стене гвоздей. Это было что-то длинное, и оно слегка поблескивало в тусклом вечернем свете, проникавшем в хлев сквозь маленькое окошко. Мартин шагнул вперед, чтобы получше рассмотреть это, и вдруг, задохнувшись, выронил седло.

На гвозде, вбитом в грубую бревенчатую стену хлева, висела длинная прядь белокурых волос.

Это были волосы Герти.

Горячая волна поднялась из пустого желудка, обжигая гортань. Мартин покачнулся, широко раскрыв рот, и его вырвало.

Не сразу он пришел в себя. Перед глазами плыли черные пятна, голова гудела, как церковный колокол, и Мартин крепко обхватил ее руками, словно боясь, что она вот-вот расколется.

Опустив взгляд, он увидел пятна крови на своей одежде. Он изрядно испачкался, пока свеживал лису, но сейчас ему показалось, что это кровь его дочери.

– Мартин?..

Он с трудом сглотнул и, обернувшись, увидел Сару, которая медленно шла к нему по проходу.

– Что ты делаешь?

Он поспешно выпрямился и встал так, чтобы заслонить собой стену. «Господи! – мысленно взмолился он во второй раз за сегодняшний день. – Пожалуйста, сделай так, чтобы она не увидела волосы!»

– Я... Мне нужно было взять седло, – ответил он. Сара ни в коем случае не должна была увидеть прядь волос на стене – Мартин знал, что это ее убьет. Он должен что-то сделать: спрятать волосы, закопать в снег или выбросить в ручей, чтобы их унесло потоком как можно дальше. Что угодно, лишь бы они не попали Саре на глаза.

– Поторопись! – предупредила она. – Скоро станет совсем темно.

С этими словами Сара повернулась и вышла из хлева, и Мартин тихонько с облегчением вздохнул. Убедившись, что жена вернулась в дом, он сорвал со стены прядь волос, которая оказалась довольно толстой, и затолкал как можно глубже в карман куртки.

Оседлав лошадь и выведя ее на заснеженный двор, Мартин сразу понял, что поездка будет нелегкой. Ему оставалось только надеяться, что дороги близ города уже укатали, иначе он рисковал добраться до Уэст-Холла только к утру. Что касалось пропажи шкуры, то Мартин почти сумел убедить себя в том, что ее унес пробравшийся в хлев койот, однако стоило ему снова нащупать в кармане прядь светлых волос, как его умопостроения тут же рассыпались в прах. Никакого

объяснения тому, как волосы дочери оказались на гвозде, Мартин придумать не мог.

– Мартин!

Это снова была Сара. Выйдя из дома, она стояла на крыльце рядом с входной дверью и, раскачиваясь назад и вперед, грызла ногти. Взгляд у нее был растерянным и почти безумным.

– Иди в дом, Сара, – сказал Мартин жене. – Ты совсем раздета, а на улице мороз. Герти... Ты ничем ей не поможешь, если простудишься и заболеешь.

Она кивнула и, повернувшись, шагнула к двери, но снова остановилась.

– Мартин?..

– Что? – В горле вдруг пересохло, и он с трудом сглотнул. Неужели она видела волосы?

– Это все из-за кольца.

– Что-что?

– Из-за кольца, которое ты нашел в поле. – Сара смотрела не на него, а на снег у себя под ногами, и на мгновение Мартину показалось, что она стоит на крыльце босиком. – Из-за кольца, которое ты хотел подарить мне на Рождество. Я знаю, что оно до сих пор у тебя.

Мартин вздрогнул. Значит, Сара все время знала, что он не нашел в себе сил расстаться с кольцом! Что он был слишком эгоистичен, чтобы выполнить ее просьбу и выбросить его. И вот обман раскрылся, и ему нечего было сказать.

Сара тоже молчала. Дыхание, вырывавшееся у нее изо рта, превращалось на морозе в облака густого пара. Оно было слишком частым, словно Сара никак не могла отдышаться после быстрого бега, но лицо ее было бледным, а губы посинели от холода.

– Напрасно ты его не выбросил, – проговорила она после довольно продолжительной паузы. – Я говорила тебе, чтобы ты не подбирал... вещи, которые найдешь в земле, но ты меня не

послушал, и теперь... В общем, я хочу, чтобы ты как можно скорее от него избавился. Верни его назад – может быть, еще не поздно.

– Вернуть назад? – переспросил Мартин.

– Отвези его туда, где ты его нашел, и закопай. Это... это единственный способ вернуть Герти.

Мартин долго смотрел на жену. Он не мог поверить, что она говорит серьезно, но выражение ее лица очень быстро убедило его в обратном. Сейчас он припомнил, что Сара никогда не шутила, когда речь заходила об окружавших ферму полях и лесах – о том, что там происходило или *могло* произойти. Сколько раз она просила его не заходить в лес слишком далеко, быть осторожным, не пахать слишком близко к холмам, никогда не подбирать странные предметы, которые выносил на поверхность земли лемех плуга. Мартин всегда думал, что говорить так ее заставляют старинные семейные предания, которые Сара слышала с детства – те суеверия и предрассудки, которым были подвержены ее родители и родители ее родителей. Ее веру в слепые и враждебные силы, населявшие лес, который окружал их уединенную ферму, Мартин не одобрял, но старался не заострять внимания на некоторых странностях жены. Ему казалось – он понимает, откуда это у Сары, и все же... все же ее уверенность в том, что Герти пропала только потому, что несколько месяцев назад он подобрал в поле странное костяное кольцо, казалась ему несообразной и нелепой.

И почти безумной.

– Сделай это сейчас, до того, как отправишься в город, – добавила Сара твердо, и в ее глазах вспыхнул упрямый огонь. – Прошу тебя, Мартин! Пожалуйста!..

– Как скажешь... – Мартин вовремя вспомнил, что говорил ему брат, когда после смерти маленького Чарльза Сара на время как будто сошла с ума. «Никогда не спорь с человеком, который испытывает временное помрачение рассудка, – сказал Лузиус. – Ты все равно его не переубедишь и только усугубишь ситуацию».

– Как скажешь, – еще раз повторил он и, кивнув Саре, вскарабкался в седло и погнал лошадь в поле.

Мартин хорошо помнил, где он нашел кольцо – на краю последнего из своих полей, почти у самой опушки. Лошадь на каждом шагу увязала в снегу, но все же шла довольно быстро, так что уже через несколько минут он был на месте. Здесь Мартин спешился и оглянулся. С этого расстояния Сара казалась просто серым пятном, едва различимым на фоне крыльца в ранних зимних сумерках, и все же он не сомневался, что она смотрит в его сторону. Тяжело вздохнув, Мартин снял промокшие насквозь рукавицы и сунул руку в правый карман штанов, где лежало кольцо. В кармане, однако, его не оказалось, и он похлопал себя по левому карману. Ничего... Сдерживая нетерпение, Мартин обследовал швы в поисках дыры, но карманы были целы. В левом кармане куртки лежало только полдюжины патронов к ружью. Сунув руку в правый карман, Мартин наткнулся на мягкую прядь волос и содрогнулся от отвращения.

Где же кольцо?! Он не мог его потерять, в этом Мартин был уверен. Оно *должно* быть здесь! Мартин отчетливо помнил, что кольцо лежало у него в кармане, когда он преследовал лису – раз или два он даже прикоснулся к нему, рассчитывая, что красивая безделушка принесет ему удачу. Куда же оно могло подеваться?

Он беспомощно обернулся через плечо. Сара продолжала маячить на крыльце. Мартину даже показалось, словно она слегка покачивается под порывами ветра, словно торчащие из снега стебли прошлогодней травы.

Несмотря на холод, лоб Мартина покрылся испариной. Что же делать?!

И тут его осенило. Он снова засунул руку в правый карман куртки и нащупал прядь волос, свернувшуюся там подобно мягкой змее. Опустившись на колени, Мартин стал разгребать снег пальцами. От холода они очень быстро потеряли чувствительность, но он копал и копал, пока не наткнулся на погребенную под снегом прочную

ледяную корку, оставшуюся от какой-то давнишней оттепели. Лед Мартин разбил каблуком, потом снова стал разгребать снег руками. Вскоре он добрался до замерзшей земли – твердой как камень. Ни топора, ни ножа у него с собой не было, поэтому Мартин вынужден был остановиться. Бросив волосы в яму, он забросал их снегом и поднялся. На ходу вытирая мокрые руки о штаны, Мартин вернулся к гарцующей на ветру лошади.

Чтобы выехать на дорогу, ведущую в город, ему пришлось снова проехать мимо дома.

– Ты сделал, что я просила? – крикнула ему Сара, когда Мартин скакал через двор.

Он кивнул в ответ, но так и не нашел в себе сил посмотреть жене в глаза.

– Иди в дом, Сара, – отозвался он. – Тебе нужно согреться. Я вернусь и приведу помощь.

Гости с другой стороны

секретные дневники Сары Харрисон Ши

13 января 1908 г.

Кларенс Бемис нашел Герти только сегодня утром – почти через сутки после того, как она выбежала из дома, чтобы помочь отцу собрать в курятнике яйца. Когда в десять минут девятого, даже не отряхнув башмаков от снега, Кларенс, Мартин и Лусиус вошли в дом, я все поняла по их лицам еще до того, как кто-то из них успел произнести хоть слово.

Первым моим побуждением было выгнать их вон, запереть двери и ждать. Они должны понять, что ошиблись, думала я. Поиски не

закончены. Отправляйтесь обратно в лес, хотела крикнуть я, и не возвращайтесь, пока не найдете Герти живой и здоровой.

Но в глубине души я понимала, что это не ошибка. Я молча смотрела на вошедших мужчин и ненавидела всех троих. Кларенса я ненавидела за излишне длинные, растрепанные волосы и резкий запах виски; Лусиуса – за его серьезное лицо записного ханжи, за аккуратно подстриженные усики и дорогие сапоги, а Мартина – за его дурацкую хромоту, за бессильно опущенные плечи и печать поражения во взгляде.

«Прочь! – хотелось мне сказать. – Ступайте прочь из моего дома!»

Ах, если бы только я могла повернуть время вспять! Я бы ни за что не выпустила Герти из своих объятий, и тогда ничего плохого не случилось бы. Разве может произойти что-то плохое с девочкой, которая лежит в постели рядом с мамой, с головой укрывшись одеялом?

Мартин взял меня за руку и попросил сесть.

«Мы нашли ее», – сказал он, и я невольно зажала рот рукой, чтобы не закричать. Все трое стояли передо мной, держа шляпы в руках. Их печальные взгляды были устремлены на меня, словно это я была мужчиной, который в состоянии все исправить и вернуть время вспять.

На самом дальнем краю участка Бемисов есть старый колодец, который пересох много лет назад. Я хорошо помню, как однажды, когда я была не старше Герти, мы с Тетей ходили к нему. Мы бросали в колодец камни, а потом слушали, как они ударялись о дно через довольно долгий промежуток времени. Я даже перегнулась через сложенный из грубого камня бортик и заглянула внутрь, надеясь рассмотреть дно, но не увидела ничего, кроме темноты. Из колодца пахло сыростью, а еще мне показалось, что моего лица коснулся ледяной сквозняк, который дул как будто из самого сердца земли.

«Как ты думаешь, Тетя, – спросила я, – этот колодец *очень* глубокий?»

Она улыбнулась.

«Не удивлюсь, если окажется, что он ведет на другую сторону нашей планеты – например, в Японию».

«Но это невозможно!» – возразила я.

«Тогда, быть может, он ведет в какой-то совсем другой мир», – сказала она, бросая в колодец еще один камешек.

Я еще сильнее перегнулась через бортик – уж больно мне хотелось рассмотреть этот другой мир, о котором говорила Тетя, но она крепко схватила меня сзади за платье и оттащила назад.

«Осторожнее, Сара! Куда бы ни вел этот колодец, я не думаю, что ты *действительно* хочешь там оказаться».

Кларенс сказал, что Герти лежала на дне, свернувшись калачиком, словно спала.

«Она совсем не страдала», – поддакнул Лусиус. Его голос звучал негромко, успокаивающе, и таким же успокаивающим был жест, каким он взял меня за руку. Его ладонь была теплой и сухой, словно он ее припудривал, и на ней не было ни шрамов, ни мозолей. Лусиус подъехал как раз тогда, когда Герти доставали из колодца, и мне показалось несправедливым и жестоким, что он там был, а я – нет. Еще Лусиус сказал, что Джереми Бемис спустился на дно на веревке и затянул Герти петлю на талии, а остальные тянули. Услышав об этом, я крепко закрыла глаза, пытаюсь не думать о том, как маленькое тельце моей девочки раскачивалось из стороны в сторону, стучаясь о каменные стенки колодца, пока ее тащили из темноты на свет.

Вот только этого света она уже не увидела.

«Она умерла мгновенно», – добавил Лусиус, пытаюсь меня утешить, но никакого облегчения я не испытала. Я слишком хорошо помнила, как бросала в колодец камни и как долго мне приходилось ждать, прежде чем снизу доносился звук удара.

Я попыталась представить себе, каково это было – падать в колодец.

Падать и падать, бесконечно проваливаться в холодный, сырой мрак, не видя вокруг ничего, кроме грубых каменных стен с

разводами плесени и ледяных кристаллов.

Наши дни. 2 января

Рути

Снежинки плясали в свете фар пикапа, описывая кривые, пьяные круги и затейливые спирали. Шипованная резина хорошо держала заснеженную дорогу, но на поворотах Базз почти не снижал скорость, и тогда машину заносило так сильно, что она оказывалась в опасной близости к обочине, на которой громоздились высокие, косматые сугробы, какие можно увидеть только в сельской местности вдоль проселочных дорог с одной полосой движения.

– Выключи фары, – сказала наконец Рути. Они подъехали уже достаточно близко к ее дому, а она не хотела, чтобы мать опять устроила скандал из-за того, что она возвращается так поздно. Черт!.. В конце концов, ей уже исполнилось девятнадцать, и она может возвращаться, когда захочет. Кто дал матери такое право – указывать ей, во сколько она должна быть дома?

Повернувшись к Баззу, Рути схватила бутылку мятного джина, которую он держал, зажав между бедрами, и сделала хороший глоток прямо из горлышка. Потом она отыскала в кармане теплой зимней парки флакончик «Визина» и, запрокинув голову, попыталась закапать в каждый глаз по одной капле, но на ходу это было сделать непросто. Рути облила себе лекарством все лицо, прежде чем в глазах защипало.

Рути и Базз возвращались с вечеринки, которую их друзья устроили в амбаре у Трейсеров. Сначала они прикончили десятигаллоновый бочонок пива, оставшийся от встречи Нового года, а потом забили по косяку из травы, которую принесла Эмили. Усевшись в кружок вокруг керосинового обогревателя, они долго толковали о том, какая мерзость эта зима, как она успела им

надоесть и как всё чудесным образом изменится, когда наступит весна. И Рути, и Базз, и Эмили, и остальные участники попойки окончили школу еще в прошлом июне, и вот – застряли в осточертевшем Уэст-Холле – в этой черной дыре на задворках Вселенной, вырваться из которой оказалось намного сложнее, чем представлялось когда-то каждому из них. А обиднее всего было то, что многим их одноклассникам и друзьям это удалось, и сейчас они блаженствовали в больших южных городах, где снега и холодов в глаза не видели – в Майами, в Санта-Круз и прочих центрах цивилизации.

Рути, разумеется, тоже мечтала уехать. Больше того, она сделала все, чтобы ее мечта осуществилась, подав документы сразу в несколько учебных заведений в Калифорнии и Нью-Мехико. Рути хотелось изучать деловое администрирование, которое она считала самой подходящей возможностью для карьерного роста, но мать сказала, что в этом году ничего не выйдет – у них просто нет столько денег, чтобы платить за учебу.

Да, они с матерью и сестрой всегда жили очень скромно – много ли выручишь, продавая на рынке свежие яйца и овощи? Кроме того, мать подрабатывала, продавая шерстяные носки, шапки и шарфы ручной вязки. Вещи ее работы расходились хорошо: их охотно брали и ремесленные лавки, и магазины, специализировавшиеся на продаже продукции фермерских хозяйств, но и это занятие приносило не слишком много, поэтому мать часто не продавала, а меняла продукты и вязаные вещи на что-то, что было им необходимо. Новой одежды они почти не покупали, а если в доме вдруг ломалась какая-то вещь, ее ремонтировали, а не заменяли. С раннего детства Рути привыкла не выпрашивать у матери ничего, что они не могли себе позволить. Если она все-таки заикалась о том, как хорошо было бы ей иметь такие же кроссовки или ветровку, в каких ходило большинство одноклассников, мать смотрела на нее с нескрываемым неодобрением и напоминала, что у нее хватает вполне приличной одежды (пусть даже эта одежда была

приобретена в магазине ношенных вещей и иногда на ней еще сохранялись нашитые внутри метки с именами других детей).

И вот теперь мать решила, что будет лучше всего, если Рути останется в Уэст-Холле и отучится хотя бы год в местном муниципальном колледже. Она даже предложила платить дочери какие-то деньги, если та поможет ей с продажей яиц. Отныне Рути должна была вести учетные книги, кормить кур, собирать яйца и поддерживать чистоту в курятнике.

«Ты ведь хочешь изучать бизнес, – сказала ей мать. – Разве практическая работа не лучший способ чему-то научиться?»

«Знаешь, мама, – ответила на это Рути, – торговля яйцами на фермерском рынке – это не совсем то, о чем я мечтала всю жизнь».

«Но ведь это только для начала, – возразила мать. – Кроме того, с тех пор как умер твой отец, мне совершенно некому помочь, а помощь – видит бог! – мне очень нужна. Потерпи хотя бы год, – добавила она. – Будущей весной ты сможешь снова подать документы куда захочешь, а я постараюсь накопить денег, чтобы помочь тебе оплатить учебу».

Рути пыталась спорить. Она рассказывала матери о студенческих займах, грантах и стипендиях, которые получают лучшие студенты, но та решительно отказывалась заполнять соответствующие формы, считая, что бумажные документы – это только еще один способ, с помощью которого Большой брат осуществляет тотальную слежку за гражданами. Федеральной власти, твердила мать точно заклинание, нельзя доверять, даже когда она дает ссуды студентам университетов и колледжей. Ты и оглянуться не успеешь, как окажешься винтиком Системы. А Системы отец и мать Рути избегали всю свою сознательную жизнь.

«Если бы твой отец был сейчас с нами, все было бы иначе», – сказала она, и Рути подумала, что это похоже на правду, хотя ее всегда нервировало, когда мать говорила об отце так, словно он не скончался от сердечного приступа два года назад, а уехал куда-то далеко, бросив их без средств к существованию.

Да, если бы папа был жив, все было бы иначе! Он понимал Рути как никто другой, знал, как сильно ей хочется уехать подальше от Уэст-Холла. Уж наверное, он постарался бы сделать все, чтобы ее заветная мечта осуществилась.

«Разве это так плохо – прожить в родном доме еще один год?» – ласково спросила мать, погладив Рути по непокорным черным кудряшкам.

«Еще как плохо!» – хотела ответить Рути, но ей вдруг вспомнился Базз, который вообще не подавал никуда никаких документов. Вместо этого сразу после школы он начал работать в мастерской своего дяди, которая занималась приемом и утилизацией металлолома. Работа была тяжелая и грязная, зато у Базза всегда водились деньги, к тому же сданные в лом древние автомобили, комбайны, сеялки и другое сельхозоборудование служило для него неисчерпаемым источником самых причудливых деталей, из которых Базз с помощью электросварки создавал свои «скульптуры»: чудовищ, роботов, пришельцев. Просторная площадка перед дядиным домом была вся уставлена творениями Базза, и, надо сказать, большинство из них были по-своему интересны. Несколько скульптур Базз даже ухитрился продать заезжим туристам, заработав на каждой чуть ли не больше своей недельной зарплаты.

С Баззом Рути познакомилась, когда училась в выпускном классе – на пивной вечеринке, которая проходила в начале октября на Земляничном лугу. На вечеринку Рути пригласила ее одноклассница Эмили Смит, которая была влюблена в парня по имени Эдам. Эдам окончил школу годом раньше и поступил в технический колледж штата. Базз был его двоюродным братом, и в тот день Эдам привез его с собой.

Когда вечеринка была в самом разгаре, Рути, ее одноклассница, Эдам и Базз оставили друзей допивать пиво у костра, а сами отправились на старое городское кладбище, которое находилось поблизости. Пока Эдам и Эмили обжимались под покосившимся

гранитным крестом, Рути, чувствуя себя в обществе малознакомого парня крайне неловко, попыталась завести с Баззом светский разговор. Тот, впрочем, отвечал на ее расспросы довольно охотно. Так Рути узнала, что хотя отец и дядя Базза были местными, сам он жил с матерью в Барре, ходил там в школу и посещал курсы автомехаников при Баррском техническом центре.

«Мне нравятся автомобили, – сказал он, пожимая плечами, пока они пили из пластиковых стаканчиков дешевое пиво, большую пластмассовую бутылку которого Базз захватил с собой на кладбище. – Но еще больше я люблю их чинить. Говорят, у меня талант – я что хочешь могу отремонтировать. Эдам участвует в автогонках на Громовой Тропе, в этом году он пригласил меня в свою команду в качестве механика. Ты когда-нибудь видела эти гонки?»

Рути отрицательно покачала головой и сделала несколько шагов по тропе. Насколько она могла судить, у Эмили и Эдама дело сладилось, и ей захотелось поскорее вернуться к костру. Неотесанный автомеханик, пусть и талантливый, мало ее интересовал.

«Я так и думал, – сказал Базз. – Слушай, а ты когда-нибудь слышала о Чертовых Пальцах? Здесь рядом с городом есть холм с таким названием, и он...»

Рути невольно замедлила шаг.

«Я там живу. Совсем рядом».

«Да ты что, правда? Говорят, это очень странное место – сами Чертовы Пальцы, я имею в виду. Ты никогда не думала, что эти скалы выглядят так, будто их там кто-то *установил*?» – Базз тоже остановился и прислонился плечом к поросшему лишайником могильному камню.

Рути пожала плечами. Она никогда не задумывалась о подобных вещах. Для нее Чертовы Пальцы были вещью вполне привычной, хотя и жутковатой, и она никогда не думала об их возможном происхождении.

«А ты веришь в пришельцев?» – спросил Базз, заговорщически понизив голос.

«Ты имеешь в виду – в пришельцев из космоса? – уточнила она и снова покачала головой: – Скорее нет, чем да».

Базз задумчиво вертел в пальцах опустевший стаканчик.

«Это *моя* теория, – сказал он несколько смущенно, но тут же выпрямился и с вызовом взглянул на Рути. – Лично я абсолютно уверен, что эти пять камней поставили на вершине холма именно пришельцы! – заявил он. – Я несколько раз поднимался туда, и... По моему, это должно быть очевидно. У дяди в мастерской я работаю над скульптурной композицией, которая так и называется – «Чертовы Пальцы». Не хочешь как-нибудь на нее взглянуть?»

«Над скульптурной композицией? – Рути и удивилась, и заинтересовалась. Остановившись, она отступила назад и внимательно посмотрела на Базза. – Ты увлекаешься скульптурой?..»

Остаток ночи они проговорили об искусстве, о НЛО, о фильмах, которые они видели, о перспективах, которые открывает перед человеком диплом по специальности «деловое администрирование», о том, что они оба чувствовали, живя в семьях, где их никто не понимал и не мог понять. Разговаривая, они бродили по старому кладбищу, время от времени останавливаясь, чтобы прочесть высеченные на камнях имена и даты, и пытались представить, какую жизнь прожили лежавшие под ними люди, как и отчего они умерли.

«Посмотри-ка, – говорил Базз, проводя кончиками пальцев по полустершимся буквам на простом гранитном обелиске. – Ее звали Эстер Джемисон, и ей было только девять, когда она умерла. Как грустно, правда? Она же, по сути, была еще ребенком – и вот оказалась в могиле!..»

«Да», – соглашалась Рути. Ей и в самом деле было жаль неведомую Эстер, умершую, по всей видимости, от какой-то болезни чуть не за век до ее собственного рождения.

После этой вечеринки они начали встречаться достаточно регулярно и вскоре стали настоящей «парочкой». Остаться дома еще на год, если это означало продолжать встречаться с Баззом – против *этого* Рути нисколько не возражала. Сидеть с ним рядом в теплой кабине пикапа и потягивать пиво или джин, пока машина мчится сквозь ночь и пургу – ради таких моментов она готова была пожертвовать многим. О том, что ждет ее дома, Рути думать не хотелось, и она *не* думала, наслаждаясь тем, что было здесь и сейчас.

Базз словно прочитал ее мысли.

– Как думаешь, твоя мама уже легла? – осторожно спросил он.

– Хорошо бы, – кивнула Рути. – Это решило бы половину проблем. – О том, что другая половина все равно настигнет ее утром, она предпочла не упоминать.

– Да, она у тебя ранняя пташка – ложится с курами, встает с петухами, – заметил Базз, и Рути засмеялась: сравнение ей понравилось. Базз, впрочем, был прав, причем его слова относились не только к ее матери, но и ко всему городу: не успевало на улицах по-настоящему стемнеть, а большинство жителей Уэст-Холла уже покрепче запирали двери и ложились спать. Детей укладывали еще раньше. Дело, однако, было вовсе не в том, что Уэст-Холл находился в сельскохозяйственном районе и большинство его обитателей, хоть и величали себя горожанами, но продолжали придерживаться крестьянского уклада жизни. В последнее время город жил в постоянном напряжении, причиной которого стало таинственное исчезновение шестнадцатилетней Уиллы Люс.

Это случилось сравнительно недавно – в начале декабря. Уилла пропала, возвращаясь от подруги, жившей всего-то в полумиле от ее дома. Никаких следов девушки так и не нашли. А незадолго до этого кто-то перерезал глотки двум овцам и одной корове, оставшимся на ночь на одном из зимних пастбищ. Туши остались нетронутыми, значит, это сделал не зверь, но кто?.. Никаких следов на снегу пастухи не видели и объяснить происшедшее не могли.

Этого хватило, чтобы город встревожился. Старожилы к тому же сразу припомнили похожие случаи из прошлого, отчего владевшее всеми напряжение только усилилось. Насколько было известно Рути, таких случаев было несколько. Так, в 1952 году в окрестностях городка пропал десятилетний мальчишка, который на глазах приятелей забрался в какую-то пещеру, да так и не вернулся назад. Ни следов, ни тела так и не нашли, хотя пропавшего искала полиция с собаками.

Почти два десятилетия спустя, в 1973-м, точно так же бесследно пропал в лесу отбившийся от товарищей охотник. Он так и не вышел к лагерю, хотя был едва ли не самым опытным следопытом и к тому же отлично знал окрестности.

Самым известным было исчезновение в 1982 году студентки колледжа, которая отправилась со своим бойфрендом на прогулку в холмы. Молодой человек вернулся домой один. Он был с ног до головы забрызган кровью, но рассказать ничего не мог: что-то настолько потрясло его, что он лишился дара речи и в ответ на все вопросы только бессмысленно мычал. От потрясения парень так и не оправился. Судя по всему, он не только утратил способность говорить, но и повредился в уме, но, несмотря на это, а также на то, что тело его подружки так и не было найдено, ему все же предъявили обвинение в убийстве. Из этого, однако, ничего не вышло: прямо из зала суда парня увезли в психиатрическую больницу штата.

«Уэст-холльский треугольник» – так люди прозвали прилегающую к городу холмистую, поросшую густыми лесами местность. Исчезновения объясняли то происками секты сатанистов, то появлением в окрестностях безумного маньяка-убийцы, то прилетом инопланетян (как делали это Базз и несколько его друзей), то наличием где-то между холмами таинственного портала, ведущего не то в параллельную вселенную, не то вообще бог знает куда.

Рути, однако, не верила ни в одну из этих версий, считая их просто дерьмовыми выдумками спятивших от страха взрослых. Все

имеет естественное объяснение, думала она. Пожалуй, только насчет коровы и овец Рути испытывала сомнения, однако ей казалось, что несчастных животных могли зарезать городские хулиганы – в Уэст-Холле хватало безбашенных молодых подонков, которым некуда было девать время и силы. Мальчишка и охотник, скорее всего, просто заблудились в лесах, занимавших многие сотни акров. Этот вариант казался ей вполне вероятным – она неплохо представляла себе, как это бывает. Сбившись с дороги, человек рано или поздно устает шагать неизвестно куда; отчаявшийся, замерзший, проголодавшийся, он находит укромное местечко, где можно прилечь или даже поспать. Заснуть в лесу и впрямь легко, а вот проснуться... Летом ослабевшего путника прикончат дикие звери, а зимой до него доберется мороз. В лучшем случае от человека останется лишь несколько костей, которые не успели растащить койоты и другие хищники, да и те могут попасться на глаза лесникам, охотникам или грибникам лишь через много лет. А могут вообще никогда не попасться. Что же касалось студента и его подружки, то Рути полагала: парень действительно сошел с ума и прикончил девушку. Звучало это, конечно, дико, но она знала, что подобные вещи случаются – и гораздо чаще, чем принято считать.

Исчезновение Уиллы Люс и вовсе не было для нее загадкой. Рути казалось – она точно знает, как было дело. В тот день, выйдя от подруги, Уилла пошла вовсе не домой, а в другую сторону. Пятнадцати минут ей должно было хватить, чтобы добраться до федерального шоссе и остановить попутку, движущуюся на запад (или в любую другую сторону, лишь бы подальше от Уэст-Холла). Именно так не раз поступала в своем воображении сама Рути, когда город, ферма, куриные яйца, безденежье и прочее доставали ее буквально до печенок. Да и какой подросток в Уэст-Холле не мечтал смыться отсюда? Ни в городке, ни в его окрестностях не было ровным счетом ничего, что могло бы заставить Рути остаться. Самая маленькая в мире бакалейная лавка?.. Самый убогий универсальный магазин с не обновлявшимся несколько лет ассортиментом?..

Книжная лавка, предлагавшая читателям в качестве новейшей литературы бестселлеры шестидесятых?.. Кафе с непомерными ценами?.. Антикварный магазинчик, где продавалась ободранная мебель казенного вида, относившаяся все к той же эпохе «незабвенных шестидесятых»?.. А может, ее должен был соблазнить ветхий танцпол, где подгнившие доски пола каждую минуту готовы были провалиться (именно по этой причине в последнее время зал чаще всего использовался для собраний пожилых леди, которые не танцевали, а тихо-мирно играли в бинго и бридж)?.. Ну уж нет, думала Рути. Она была уверена – ей совершенно нечего делать в городке, где единственными развлечениями были редкие свадьбы да субботний фермерский базар.

Глубоко вздохнув, Рути нащупала лежащую на руле руку Базза и положила сверху свою теплую ладонь. Ладонь Базза была грубая, покрытая мозолями и следами от ожогов, а с кожи не сходили пятна машинного масла, хотя руки Базз мыл достаточно часто – иногда даже со специальным мылом, которое, как она знала, продавалось в магазине автозапчастей. В призрачном зеленоватом свете, исходившем от приборной доски, Рути хорошо видела его лицо: надвинутую на лоб бейсбольную кепку с изображением головы инопланетянина, прищуренные глаза, устремленные на заснеженную дорогу впереди, четко очерченные губы, упрямый подбородок, который не скрывал даже поднятый воротник потрепанной рабочей куртки со множеством карманов, битком набитых всякими мелкими предметами, из которых, как ей порой казалось, и состоял сам Базз. Здесь были сигареты, зажигалка, ледерменовский мультитул в чехле, бандана, миниатюрный, но сильный бинокль, ручка-фонарик, мобильник и много чего еще.

Пожалуй, больше всего Рути любила, когда они вдвоем ездили кататься на его мощном пикапе-внедорожнике. Уже несколько раз Базз возил ее в холмы «охотиться на НЛО», как он сам это называл. Остановив машину где-нибудь на склоне, они пили из большого термоса горячий кофе с бренди или пиво из жестяных банок, и Базз

снова и снова рассказывал, как однажды он ездил со своим лучшим другом Трейсером на «охоту» к ферме Бемисов и как в темноте они заметили странный огонек. «Он подмигивал и пульсировал, становясь все ярче и все заметнее, – говорил Базз. – Сначала огонек оставался на месте, потом поднялся вверх по склону холма, а затем снова спустился к кукурузному полю». Именно тогда, утверждал Базз, они с Трейсером заметили небольшое существо, точнее – какой-то светло-серый силуэт, который с непостижимым проворством двигался сквозь заросли кукурузы». По его словам, он буквально летел, лавируя между стеблями; ни один человек не мог бы бежать с такой скоростью, к тому же траектория его движения менялась совершенно непредсказуемым образом.

«Я точно знаю, это был инопланетянин! – торжественно заявил Базз, возбужденно сверкая глазами. – Серые человечки – слыхала о таких? Трейсер, кстати, тоже его видел. Этот пришелец был совсем невысоким – фута четыре с половиной, а еще на нем было что-то вроде накидки, которая развевалась во время бега. Я абсолютно уверен, что это он разделался с овцами и коровой. Инопланетяне часто используют домашний скот для своих экспериментов – они выкачивают из животных кровь и забирают органы для исследования, причем проделывают это с хирургической точностью. Ни один хищник не способен на подобное».

Слушая Базза, Рути кивала, а сама думала о том, что Трейсер, конечно, неплохой парень, только слишком любит забить косячок. Лично она не понимала, как человек может употреблять столько «дури» и при этом не спятить раз и навсегда. Рути не сомневалась, что «серый человечек» привиделся Баззу и Трейсеру именно после того, как они несколько раз пыхнули.

И тем не менее даже без рассказанной Баззом истории о Чертовых Пальцах и окрестных лесах ходило немало слухов – странных, порой даже жутковатых.

– Ну вот, приехали, – сказал Базз, сворачивая на подъездную дорожку, которая вела к дому Рути.

– Отлично... о, черт! – пробормотала Рути, увидев, что окна кухни и гостиной ярко освещены. – Черт!.. – повторила она, доставая из кармана упаковку мятных таблеток и отправляя в рот сразу три штуки. Похоже, мать не спала – даже шторы на окнах были отдернуты, словно она то и дело поглядывала на дорожку, дожидаясь возвращения блудной дочери.

Поддернув рукав куртки, Рути нажала кнопку подсветки своих дешевых электронных часов и всмотрелась в крупные угловатые цифры. Дисплей показывал один час и двенадцать минут пополуночи. Ого!.. Похоже, ей здорово влетит!

Повернувшись к Баззу, она небрежно поцеловала его в губы. От парня резко пахло травой и джином, и Рути подумала, что и от нее, должно быть, разит не меньше, только в отличие от Базза она будет дышать на мать не только спиртным, но и мятой.

– Пожелай-ка ты мне удачи, – проговорила она упавшим голосом.

– Удачи, – эхом откликнулся Базз и подмигнул. – Позвони завтра, мне хочется знать, сильно ли твоя мать на тебя орала.

Отворив дверцу, Рути прыгнула на землю и тут же провалилась в свежесвыпавший снег по самые лодыжки. Прощально махнув Баззу рукой, она повернулась и зашагала к дому, изо всех сил стараясь ступать твердо и не шататься. Дышала Рути широко раскрытым ртом, надеясь хоть немного ослабить запах спиртного. Воздух был холодным и свежим, однако она сомневалась, что успеет проветриться. Эх, не нужно ей было пить джин после пива, да и самокрутки, которые принесла Эмили, оказались по-настоящему убийными. Если мать и не почует идущий от дочери запах, то догадается обо всем по неверным, раскоординированным движениям... А-а, все равно!..

Все же Рути несколько раз хлопнула себя по щекам руками в перчатках с обрезанными пальцами.

«А ну-ка, соберись! – приказала она себе. – Возьми себя в руки!»

Но все было тщетно, и Рути вздохнула, подумав о том, что теперь мать съест ее живьем. Вот возьмет да и запрет ее дома на месяц – с

нее станется. Что она тогда будет делать? Сидеть столько времени в четырех стенах, не имея возможности даже встретиться с Баззом – от одной мысли об этом можно было рехнуться.

Не отрывая взгляда от освещенных окон, Рути поднялась на крыльцо. За окнами не было никакого движения, и это показалось ей странным. Лечь спать, не погасив свет, мать не могла – в их доме к экономии электричества относились очень серьезно. Непогашенный свет в туалете, где стояла лампочка всего-то в двадцать пять свечей, мог повлечь за собой самые серьезные санкции.

В последний раз поглубже вдохнув воздух, Рути медленно отворила входную дверь, шагнула в прихожую и бесшумно притворила за собой дверь. Мысленно она уже приготовилась возражать и отругиваться, но, к ее огромному удивлению, мать вовсе не поджидала ее на пороге, чтобы читать нотации.

Ненадолго остановившись, Рути прислушалась.

Ничего. Ни шороха, ни звука шагов, ни вопроса «Ты хоть знаешь, который сейчас час?», произнесенного ядовито-обличительным тоном. В доме было тихо, словно все его обитатели спали крепким сном.

Пока все складывалось удачно.

Рути сняла парку, сбросила с ног башмаки и в одних носках прокралась на кухню. Там она налила стакан воды и с жадностью выпила, облокотившись о буфет. Резкий свет горевшей под потолком лампы заставил ее несколько раз моргнуть.

Интересно, почему мать не погасила свет?

Оглядываясь по сторонам, Рути увидела, что оставшаяся от ужина посуда была вымыта и убрана на место, и только на столе стояла нетронутая чашка чая. Чай успел остыть – когда она потрогала чашку, та показалась ей холодной как камень. На блюдце рядом с чашкой лежал кусок яблочного пирога, его край был надломлен, а рядом валялась вилка. Мамин яблочный пирог Рути очень любила, поэтому сейчас она доела остатки, а блюдце поставила в раковину.

Погасив свет в кухне, она отправилась в гостиную, чтобы выключить свет и там. Дровяная печь прогорела, в топке остались одни угли. Они еще тлели, и Рути подложила в печь пару поленьев и прикрыла вьюшку на ночь.

По лестнице она поднималась в темноте, стараясь ступать как можно тише и держась за перила, чтобы не потерять равновесие. Голова у нее еще кружилась от выпитого, ноги словно свинцом налились, но Рути этого почти не замечала. Она думала о том, как ей повезло – мать легла, не дождавшись ее возвращения. Сегодня обошлось без скандала, быть может, обойдется и завтра... Эта мысль привела ее в такое приподнятое расположение духа, что она едва не рассмеялась.

Примерно на середине лестницы Рути неожиданно наступила на что-то холодное и мокрое. Присмотревшись, она разглядела на ступеньках несколько небольших лужиц, словно бы от растаявшего снега. Можно было подумать – кто-то поднялся наверх, не сняв уличной обуви. О том, кто это мог быть, Рути почему-то не подумала; в данный момент ее занимали только собственные промоченные носки. Прошипев вполголоса какое-то ругательство, она поспешно преодолела оставшиеся ступеньки и оказалась в застеленном ковровой дорожкой коридоре второго этажа.

Дверь в спальню матери была плотно закрыта, и под ней не видно было никакого света. Дверь в спальню Фаун, напротив, была распахнута, и Рути услышала, как ее младшая сестренка громко вздыхает во сне. Потом из комнаты Фаун появился большой серый кот. Громко мурлыча, он затрусил к Рути и стал тереться о ее ноги, высоко подняв пушистый хвост, похожий на восклицательный знак. «Давай гладь!» – вот что это означало на кошачьем языке.

Улыбнувшись, Рути наклонилась и погладила кота по спине.

– Привет, Роско, старина, – прошептала она и юркнула к себе в комнату. Кот последовал за ней. Кровать Рути была не разобрана, на столе громоздились тетради и учебники: первый семестр только что закончился, и она не успела их убрать. Здесь были и «Английское

сочинение», и «Введение в социологию», и «Счет», и «Приложения для микрокомпьютера», и много чего еще. Оценки за семестр еще не выставляли, но Рути знала, что получила высший балл по всем предметам – даже по тем, которые ей не нравились или были скучны.

«Примитив, – жаловалась она матери. – Это не образование, а одна видимость. Среднюю «четверку» в нашем колледже могла бы получить и дрессированная обезьяна».

«Но ведь ты будешь учиться в нем всего год», – в очередной раз напомнила мать, и Рути недовольно поморщилась. Это заклинание, которое мать повторяла по любому поводу, начинало действовать ей на нервы.

Сейчас Рути поплотнее закрыла дверь, сняла джинсы и мокрые носки и забралась под одеяло. Роско устроился рядом: выбрав местечко поудобнее, он трижды повернулся на одном месте и только потом улегся, блаженно зажмурившись и запустив когти в одеяло.

Рути снова приснилась кондитерская, над дверями которой было написано крупными буквами: «Фицджеральдс бейкери». Сама же кондитерская была небольшой, с запотевшими изнутри оконными витринами, от которых аппетитно пахло свежей выпечкой и кофе. Маленький торговый зал был перегороден длинным застекленным прилавком, перед которым Рути стояла буквально часами (во всяком случае, именно такое ощущение появлялось у нее во сне), разглядывая ряды маленьких кексов в гофрированных корзиночках из разноцветной бумаги, пирогов с яблочной начинкой, разнообразных пирожных и булочек, покрытых глазурью или припорошенных сахарной пудрой, которая сверкала в свете ламп, словно свежавыпавший снег.

«Чего бы тебе хотелось, милая?» – спрашивала у Рути мать, сжимавшая пальцы дочери рукой в перчатке из мягкой, тонкой лайки. В ответ Рути молча показывала на кекс с разноцветными цукатами и курагой, покрытый мерцающей розовой глазурью, и ее пальчики оставляли на стекле прилавка легкие следы.

Потом Рути поднимала голову, чтобы взглянуть на мать. Увы, именно в этом месте сон, который до этого она воспринимала как вполне реальную реальность, начал приобретать свойственные всем снам фантастические черты, поскольку вместо матери на Рути с улыбкой смотрела совершенно незнакомая женщина – высокая, изящная леди в очках в толстой черепаховой оправе необычной формы. Откуда-то Рути знала, что такая форма очков называется «кошачий глаз».

«Прекрасный выбор, детка!» – говорила женщина и ласково трепала ее по волосам.

А еще мгновение спустя сон начал приобретать свойства кошмара. Каким-то образом Рути оказывалась в крохотной полутемной комнатке, освещенной лишь колышущимся пламенем масляной лампы. Здесь она была не одна – в самом дальнем и темном углу совершенно неподвижно стояла маленькая девочка со спутанными белокурыми волосами и измазанным землей личиком. С каждой минутой комната словно сжималась, становясь все меньше и меньше, и Рути начинала задыхаться, всхлипывая и жадно хватая ртом воздух...

Рути открыла глаза. Роско перебрался ей на грудь; его тяжелое тело сдавливало ей шею, а длинный мех залепил рот и нос.

– Слезай с меня, жирдяй! – сонно пробормотала Рути, отпихивая кота.

Но это оказался вовсе не Роско, а рука ее младшей сестры Фаун. Девочка была в теплой серой пижаме с начесом, которая по цвету и фактуре действительно напоминала кошачью шерсть. Заморгав, Рути увидела, что рядом с ней и впрямь лежит Фаун и что в окно вливается яркий дневной свет. Кроме того, она обнаружила, что голова у нее трещит с похмелья, а во рту сухо, как в Сахаре. Джин и пиво не прошли бесследно, и сейчас Рути было не до игр с сестрой.

– Эй, ты что здесь делаешь? – грубо осведомилась она. Кровать Рути была двуспальной, и она привыкла к простору. Фаун, которая во сне постоянно ворочалась и иногда просыпалась с ногами на

подушке, ее стесняла, поэтому сестры почти никогда не спали вместе. По утрам Фаун частенько пробиралась в кровать к матери, но беспокоить Рути не осмеливалась; должно быть, случилось что-то из ряда вон выходящее, если она решилась лечь с сестрой.

Фаун не ответила, притворяясь спящей, и Рути повернулась в ее сторону. Простыня была горячей и мокрой.

– О черт! – завопила Рути, окончательно просыпаясь. – Ты что, описала *мою* постель?! – Ощупывая пятно, она обнаружила, что промокла не только простыня, но и матрас. Пижама сестры тоже была мокрой. Сестра продолжала притворяться спящей, и Рути безжалостно толкнула ее в бок.

– Ступай к маме!

Фаун перевернулась на живот, зарывшись лицом в подушку.

– Ма-мо-му... – промычала она невнятно.

– Что? – Рути перевернула сестру на бок. – Говори членораздельно!

– Я и говорю... Я сказала – я не могу к маме... – Лицо Фаун покраснелось и блестело от легкой испарины. Запах мочи был таким сильным, что Рути почувствовала приступ тошноты.

– Почему?

– Потому что ее нет. Она ушла.

Приподняв голову, Рути посмотрела на циферблат дешевого пластмассового будильника, стоявшего на тумбочке. Будильник показывал половину седьмого, а ее мать никогда не вставала раньше семи. Кроме того, чтобы окончательно проснуться и приняться за дела, ей требовалось не меньше трех чашек крепкого кофе, а на это тоже уходило какое-то время.

– Что значит – ушла?..

Фаун немного помолчала, глядя на сестру круглыми как блюдца глазами.

– Такое иногда случается, – ответила она явно где-то подслушанной «взрослой» фразой.

– Ты что, издеваешься?! – возмутилась Рути, выпрыгивая из мокрой постели. Пол показался ей ледяным – похоже, печь в гостиной снова погасла, и она поспешно накинула кофту и натянула теплые лыжные штаны. Выйдя в коридор, Рути зашагала к дверям материнской спальни. Несмотря на то что она проспала почти пять часов, ступала Рути по-прежнему нетвердо, а ее дыхание все еще отдавало джином (особенно сильным запах стал, когда она, не сдержавшись, рыгнула). Похоже, опьянение еще не совсем прошло – именно этим Рути объяснила охватившее ее ощущение нереальности происходящего. Еще немного, и она могла бы поверить, что продолжает спать и видит очередной странный сон.

Нажав на дверную ручку, Рути осторожно толкнула дверь, стараясь действовать как можно тише – меньше всего ей хотелось, чтобы мать услышала скрип петель и проснулась. Но когда дверь открылась достаточно широко, Рути увидела, что кровать матери аккуратно застелена, а ее самой нигде нет.

– Я же говорила!.. – шепнула Фаун, которая выбралась в коридор вслед за сестрой.

– Иди переоденься и приведи себя в порядок, – сердито отозвалась Рути, продолжая разглядывать пустую кровать. Почему-то ей показалось, что мать вовсе не ночевала дома, хотя подобного еще никогда не случалось.

Пока она, пошатываясь, стояла в дверях, Фаун медленно двинулась по коридору в направлении своей комнаты.

– Какого черта?! – громко сказала Рути. В самом деле, куда девалась мама? Куда она могла отправиться в половине седьмого утра?

Проводив взглядом сестру, она повернулась и стала не спеша спускаться по лестнице, мысленно пересчитывая ступеньки. Рути всегда поступала так, когда была маленькой: ступенек было тринадцать, но нижнюю она перепрыгивала. Двенадцать ступенек означали, что день будет удачным.

– Мама! – громко позвала Рути, оказавшись внизу. – Ты где?..

Ответа не последовало, и она отправилась на кухню. Нетронутая чашка с чаем все так же стояла на столе, плита была холодной. Холодной как лед оказалась и дровяная печь в гостиной: заглянув внутрь, Рути увидела, что подложенные ею вчера поленья так и не занялись.

Печь была большой, сложенной из сероватого мыльного камня. Еще до рождения Рути ее построили на месте старого кирпичного очага. Дровяная печь была их единственным источником тепла – мать и отец принципиально не пользовались ни газом, ни керосином, ни любыми другими видами ископаемого топлива.

С трудом наклонившись (прилив крови вызвал у нее головокружение), Рути вытащила из печи обгоревшие поленья и, вооружившись совком, выгребла золу в подставленное жестяное ведро. Освободив топку, она засунула внутрь несколько газетных жгутов, картон от старых коробок и сосновые щепки и чиркнула спичкой.

Пока она возилась с печью, сверху спустилась Фаун, одетая в красный комбинезон и красный свитер с высоким воротом. На ногах у девочки были связанные матерью толстые шерстяные носки – разумеется, тоже красные.

– Терпеть не могу монохромные изображения, – пробормотала Рути, закрывая печь. За слюдяным окошком дверцы металось оранжевое пламя, потрескивали дрова, и Рути подумала, что через полчаса в гостиной можно будет сидеть, не рискуя ничего себе отморозить.

– Что-что? – переспросила сестра. Ее большие глаза странно блестели, словно у Фаун поднялась температура, и на мгновение Рути испугалась, что сестра снова заболела. Но нет, выглядела Фаун нормально, и только взгляд ее оставался каким-то отстраненным, словно обращенным внутрь.

– Не обращай внимания, это я так, – ответила Рути, продолжая внимательно разглядывать сестру.

Как и Рути, Фаун появилась на свет в этом же доме, и принимала ее та же самая акушерка. Вспомнив об этом, Рути невольно задумалась, будет ли дальнейшая жизнь сестры такой же, как у нее. Сама она оставалась на домашнем обучении почти до третьего класса, и только потом, уступая ее бесконечным просьбам, родители согласились отправить дочь в уэст-холльскую среднюю школу. Рути очень хотелось учиться вместе с остальными детьми, однако переход к школьным будням оказался довольно трудным и болезненным. Полученных от отца и матери знаний (читать, писать, складывать и вычитать она умела неплохо) оказалось недостаточно. Современная школьная программа включала и другие предметы, о которых Рути имела весьма приблизительное представление, поэтому ей с самого начала пришлось приналечь на занятия, чтобы догнать остальных. Одноклассники смеялись над ее яркой и пестрой одеждой домашней вязки, над ее слишком явным деревенским выговором, даже над тем, что она не имела никакого представления о таблице умножения. Стиснув зубы, Рути корпела над домашними заданиями и старалась произносить хотя бы некоторые слова так, как делали это другие дети. Надо сказать, ее усилия не пропали даром. К концу первого же учебного года она добилась отличных оценок по всем предметам да и в дальнейшем не сдавала позиций, из года в год оставаясь лучшей ученицей в классе.

Но трудности, которые она испытала в самом начале, не забылись, поэтому, как только Фаун исполнилось пять, Рути настояла, чтобы ее отдали в детский сад.

«Фаун не должна чувствовать себя чужой в обществе других детей, – убеждала она мать. – В конце концов, ей все равно придется идти в школу, а я не хочу, чтобы Фаун было так же трудно, как мне. И потом, детский сад, школа – ничего страшного в них нет. Все это совершенно нормальные вещи!»

Мать долго смотрела на нее, потом изрекла:

«Кто тебе сказал, что «нормально» и «хорошо» – это одно и то же?»

В конце концов она все же капитулировала и отвела Фаун в детский сад при городской школе. Сидя на занятиях в своем выпускном классе, Рути частенько поглядывала в окно на игровую площадку, где ее взгляду представала одна и та же картина: Фаун неизменно сидела в одиночестве и что-то рисовала на земле, оживленно разговаривая сама с собой. Никаких друзей у нее, похоже, не было. Когда Рути попыталась осторожно поговорить об этом с девочкой, Фаун ответила, что другие дети постоянно зовут ее поиграть, но она просто не хочет.

– Но почему? – удивилась Рути.

– Потому что я очень занята, – ответила Фаун.

– Чем же?

– У меня уже есть друзья и подруги, и я играю с ними, – непонятно пояснила девочка и убежала, прежде чем Рути успела спросить, что же это за друзья: муравьи или, может быть, мелкие камешки?

Засунув руки в карманы своего красного комбинезона, Фаун с отсутствующим видом уставилась на светящееся оранжевым светом окошко печной дверцы.

– Когда ты видела маму в последний раз? – спросила Рути, в изнеможении падая на диван. После возни с дровами голова у нее разболелась не на шутку, и сейчас она ожесточенно терла виски, тщетно пытаясь прийти в себя.

– Мы вместе поужинали. Мама приготовила суп из чечевицы. Потом она поднялась наверх и уложила меня в постель. И прочитала сказку... – Голос Фаун звучал все тише и тише, как у робота, у которого садятся батарейки. – ...Про Красную Шапочку.

Рути кивнула. Теперь она поняла, почему сестра с самого утра вырядилась во все красное: к сказкам Фаун относилась очень серьезно. Нередко она требовала, чтобы понравившуюся историю читали ей снова и снова. При этом девочка нисколько не уставала от повторений: даже выучив сказку наизусть, она всякий раз слушала ее с неослабевающим интересом. Нередко Рути казалось, что какая-то часть Фаун остается на страницах прочитанной книги навсегда.

Даже днем, когда она не слушала очередную захватывающую историю, Фаун прокладывала по всему дому дорожки из хлебных крошек, строила во дворе крошечные хижины из глины, соломинок и обломков кирпичей или болтала со своей старой тряпичной куклой Мими, совершенно серьезно спрашивая у нее, какой доро́гой, по ее мнению, мог отправиться Серый Волк и действительно ли лягушка, если ее поцеловать, может превратиться в прекрасного принца.

– Что мы будем делать? – без всякого перехода спросила Фаун, так что Рути не сразу поняла, что она имеет в виду.

– Я... я сейчас оденусь и поищу маму во дворе, – проговорила она наконец. – И загляну в гараж, проверю, на месте ли машина. А может быть, она почему-то задержалась в амбаре, и...

– Мими думает, что мы ее не найдем.

Рути глубоко вздохнула и с шипением выпустила воздух сквозь стиснутые зубы.

– Мне наплевать, что думает твоя глупая кукла, ясно?!

Фаун опустила голову, и Рути стало стыдно. Пусть ее мучает похмелье, сейчас не время вести себя как последнее дерьмо. Девочке всего шесть, и ее мать куда-то пропала. Как старшая сестра, она должна подбодрить Фаун и позаботиться о ней, пока... пока мать не найдется.

– Эй, извини, ладно? – быстро проговорила она, опускаясь перед девочкой на корточки и беря ее за подбородок, чтобы заглянуть в лицо. – Я просто немного устала, о'кей?.. Сходи-ка лучше наверх за Мими. Спускайтесь вниз... обе, а я пока приготовлю вам отличный завтрак. Как ты отнесешься к яичнице с беконом и горячему шоколаду?

Фаун не ответила. Она выглядела очень бледной и несчастной. Ее кожа была горячей на ощупь, и Рути снова подумала, уж не поднялась ли у сестры температура.

Этого только не хватало!

– Не переживай, Олененок, – сказала Рути, намеренно используя прозвище, которое придумала для Фаун мать. – Все будет хорошо. Мама обязательно отыщется. Или мы ее найдем, обещаю!..

Фаун кивнула и, повернувшись, направилась к лестнице. Рути посмотрела сестре вслед... и вдруг, без всякой очевидной связи, вспомнила о Уилле Люс. Когда она пропала, поисковые команды прочесали не только город и окрестности, но и чуть ли не весь долбаный Вермонт, но не нашли никаких следов пропавшей девушки.

Интересно, как может человек исчезнуть, не оставив после себя ровным счетом ничего? Ведь не испарилась же она, в самом деле?

«Иногда такое случается...» – сказала ей Фаун полчаса назад. В ее устах эта фраза прозвучала как-то особенно зловеще, и сейчас, вспомнив эти слова, Рути протестующе тряхнула головой. Она продолжала считать, что люди не могут просто исчезнуть, не оставив никаких следов. Возможно, подобное было бы под силу Гарри Гудини, но никак не Уилле Люс и тем более не Элис Уошберн – заурядной фермерше, матери двух дочерей и владелице трех десятков породистых кур-несушек, которых нужно было кормить три раза в день. Как она могла исчезнуть, если даже из дома мама выезжала не чаще двух раз в неделю: по субботам она отправлялась в город на фермерский базар, где продавала яйца и свое вязанье, а по средам, когда в магазинах для экономных бывали самые большие скидки по купонам, посещала бакалейную лавку.

Это просто какое-то недоразумение, решила наконец Рути. Мать вот-вот вернется, и они все вместе славно посмеются над собственными страхами.

Нет, Элис Уошберн была не из тех людей, которые могут бесследно исчезнуть. Рути знала это так же твердо, как дважды два – четыре.

Рути

На то, чтобы обыскать дом, двор и амбар, Рути потратила почти час, однако никаких следов матери она так и не обнаружила. Правда, куртка и башмаки Элис отсутствовали, но машина была на месте, в пристроенном к амбару гараже, да и ключи от зажигания, как всегда, лежали за солнцезащитным козырьком. Снег вокруг дома тоже выглядел не тронутым, но как раз это ничего не значило – отпечатки ног Элис (при условии, что они здесь были) наверняка замела метель.

Стоя посреди амбара, Рути беспомощно оглядывалась по сторонам. Вдоль стен громоздились сломанная газонокосилка, комплект летних шин от пикапа, летние оконные рамы с сетками от москитов, мешки с куриным кормом и прочие хорошо знакомые ей вещи. Ничего не пропало, никаких посторонних вещей тоже не появилось, да и откуда им было взяться?.. Все было на месте, все было как всегда, но беспокойство не оставляло Рути.

Закрыв глаза, она словно наяву увидела мать, которая строго глядела на нее сквозь свои купленные в аптеке «читальные» очки. «Чтобы найти потерянную вещь, – сказала она однажды, – нужно просто обыскать все места, где ее *нет*». Сейчас Рути вспомнила эти слова и улыбнулась.

– О'кей, мама, – проговорила она, открывая глаза. – Попробуем выяснить, где тебя нет.

И Рути отправилась в дальний конец амбара, представлявший собой огороженный частой металлической сеткой загон. Внутри загона была сделана большая деревянная клетка, в которой сидели куры. Войдя в загон, Рути отперла клетку, выпуская несушек.

– Ну что, девочки, как прошла ночь? – тихонько проговорила она. Куры отозвались беспечным кудахтаньем, и Рути высыпала им в кормушку ведро покрошенной кукурузы. Убедившись, что корма хватит на всех и что в поилке есть подогретая вода, она убрала ведро и некоторое время смотрела, как куры едят.

– Вы, случайно, не видели, куда пошла наша мама? – спросила она у них.

В ответ снова раздалось кудахтанье, и Рути покачала головой.

– Я так и думала, – пробормотала она и выбралась из загона, тщательно заперев за собой дверцу.

Выйдя из амбара, Рути остановилась на пороге. Должно быть, снег шел до самого утра, поскольку и двор фермы, и поле, и близкий лес превратились в подобие лунного ландшафта – однообразного и однотонного.

Мысленно Рути перечислила места, где *не было* ее мамы: ни в доме, ни во дворе, ни в амбаре, ни в курятнике она ее не нашла. Машину Элис не взяла, а значит...

– Мама! – прокричала она так громко, как только смогла, но ей не ответило даже эхо. Да и какое тут может быть эхо, спохватилась Рути. Глубокий, рыхлый снег поглощал все звуки; с тем же успехом она могла кричать, уткнувшись лицом в подушку или пуховую перину.

Еще раз покачав головой, она посмотрела в сторону заснеженного леса. Сама мысль о том, что ее мать могла зачем-то отправиться туда посреди ночи, да еще в снегопад, была абсурдной. Элис вообще не любила ходить в лес. Ее ежедневные маршруты пролегали исключительно по двору: от дома к амбару и курятнику, от дома к поленнице, от дома к огороду, а от огорода – к компостной куче на краю фруктового сада. От этих натоптанных дорожек она почти никогда не отклонялась, считая, что любая прогулка по окрестностям, предпринятая из любопытства или даже просто отдыха ради, является бесполезной тратой времени, которое можно потратить на то, чтобы получше протопить дом, полить огород или собрать свежие яйца. И тем не менее Рути считала, что должна исключить все возможности, какими бы невероятными они ни казались, поэтому она шагнула вперед, но сразу одумалась и вернулась в амбар. Там она схватила со столба пару снегоступов и надела их на ноги, крепко привязав к обуви сыромятными ремешками.

На то, чтобы пересечь двор, ей понадобилось немало времени и усилий, поскольку без привычки двигалась она медленно и неуклюже, однако довольно скоро Рути удалось поймать нужный ритм. Убедившись, что навык хождения в снегоступах к ней вернулся, она довольно бодро зашагала через поле по направлению к лесу.

Рути тоже не любила лес; даже летом ей становилось не по себе, стоило ей только приблизиться к молчаливым, настороженным зарослям. Именно в лесу, правда – не здесь, на окраине, а дальше, на склоне холма, – она когда-то нашла отца, скончавшегося от сердечного приступа. И все же Рути чувствовала, что должна осмотреть хотя бы лесную опушку на случай, если на ветвях кустов осталась потерянная матерью варежка или цветная нитка из ее свитера.

От матери Рути знала, что когда-то вся область к северу и востоку от фермы представляла собой вспаханные поля, но сейчас бóльшая их часть заросла молодыми буками, ясенями, кленами и канадской сосной. Год за годом лес понемногу наступал, медленно, но неумолимо приближаясь к дому, грозя поглотить не только разбитые на остатках пахотной земли огороды и сад, но и сам двор. Правда, на бывших полях деревья росли пока не слишком часто, но пройти по переплетенным корнями и заросшим колючей лесной малиной тропкам было непросто. Помимо корней из земли то тут, то там торчали довольно большие камни. Сейчас их припорошил снег, что делало их вдвойне опасными: наткнувшись на них, Рути рисковала не только сломать снегоступы, но и повредить ногу. Камней в здешней глинистой почве вообще хватало: каждую весну, стоило сойти снегу, как они появлялись в буквальном смысле из-под земли даже у них во дворе – увесистые булыжники, которые приходилось выковыривать ломом, грузить в тачки и либо укладывать на стену, ограждавшую двор с восточной стороны, либо отвозить подальше в лес.

Нет, Рути не любила лес и почти в нем не бывала. Даже в детстве она никогда не приближалась к нему одна – ей казалось, что заросшие деревьями склоны холмов населены ведьмами, троллями и другими сказочными чудовищами, о которых она читала в книжках.

Как ни странно, родители не делали ничего, чтобы рассеять ее страх. Напротив, они нередко рассказывали Рути о рысях и медведях, которые живут в лесу, и пугали страшными вещами, которые могут случиться с непослушной маленькой девочкой, если она забредет в лес одна.

«Меня что, съедят?» – спросила однажды Рути, и мать совершенно серьезно ответила:

«Да, съедят. В лесу водятся вечно голодные твари с огромными зубами, для которых маленькие девочки – лучшее лакомство». – И она осторожно прикусила зубами кончики пальцев дочери.

Этого оказалось достаточно, чтобы Рути расплакалась. Тогда мать крепче прижала ее к себе и, вытирая ей слезы кончиком фартука, сказала:

«Никогда не уходи со двора, и тогда никто тебя не тронет».

Впрочем, однажды Рути все же заблудилась в лесу – правда, тогда она была совсем маленькой, чтобы запомнить подробности, поэтому ей иногда казалось, что это мог быть просто кошмарный сон. Она долго скиталась между стволами деревьев, пока не попала в какое-то темное и холодное место, где обитало нечто ужасное – такое, что она боялась на него смотреть. Еще у нее было ощущение, что она не просто заблудилась, но и потеряла что-то очень важное... Или это что-то было у нее отнято?.. Единственное, в чем она не сомневалась, так это в том, что папа в конце концов ее нашел, взял на руки и отнес домой. Рути до сих пор отчетливо помнила, как ее щека прижималась к грубому сукну его куртки и как, взглянув назад поверх отцовского плеча, она увидела высокие, черные скалы, которые быстро удалялись, словно бежали прочь.

«Это был всего-навсего дурной сон», – сказал отец, когда они вернулись домой и поднялись в его кабинет, где знакомо пахло старыми книгами, кожей и влажной шерстью. Мать кивнула в знак согласия и принесла Рути чашку травяного чая, от которого исходил аромат меда и луговых цветов. Чай был сладким – большая редкость! – но ей все равно показалось, что он имеет легкий лекарственный привкус.

«Это был просто дурной сон, – повторил отец и погладил дочь по голове. – Теперь ты в безопасности».

Снегоступы почти не проваливались в снег, и Рути легко пересекла небольшое поле за амбаром и свернула на тропу, которая вела через лес к вершине холма. Прежде чем углубиться в заросли, Рути немного постояла на месте, потом набрала в грудь побольше воздуха и сделала шаг вперед – словно в холодную воду прыгнула. В глубине души Рути не переставала удивляться, с какой легкостью ей удалось найти эту узкую тропку, по которой уже много лет никто не ходил. По идее, она давно должна была зарости ежевикой, малиной и молодыми деревцами, но по какой-то причине тропа оставалась свободной. Казалось, даже кусты по бокам и нависавшие над тропой ветки деревьев были аккуратно подрезаны, вот только кем? Уж конечно, это сделала не Элис, в этом Рути была уверена на все сто.

Шагая между деревьями, она внимательно осматривала заросли с левой и с правой стороны, выглядывая оранжевую куртку матери, следы или еще что-то, что могло бы помочь ей понять, куда направилась Элис. Увы, никаких следов на снегу не было.

Вскоре она добралась до подножия холма и стала подниматься по склону. С каждым шагом тропа все круче уходила вверх, и Рути пошла медленнее. На огромном раскидистом клене тревожно застрекотала белка, где-то далеко простучал дятел, и снова все стихло.

Это просто безумие, рассуждала Рути. Переться в гору – ранним утром, с похмелья, после каких-нибудь пяти часов сна... Больше

всего ей сейчас хотелось повернуть назад. Она даже позволила себе помечтать, как вернется домой и обнаружит, что мать давно вернулась, сварила кофе, испекла булочки с корицей и сидит за столом в теплой кухне, поджидая свою старшую дочь. В конце концов, Рути, наверное, так бы и поступила, но ей мешала мысль о Фаун, которая, конечно, сразу спросит, нашла ли она маму. Что она ей скажет? Нет, думала Рути, она должна продолжать поиски. Она просто не может вернуться, не осмотрев окрестности, пусть даже для этого придется подняться к самим Чертовым Пальцам.

Минут через десять тропа привела Рути в заброшенный фруктовый сад. Скрюченные, поломанные груши и яблони с перепутанными ветвями еще больше согнулись под тяжестью снеговых шапок, напоминая закутанных в платки жилистых, злых старух. Когда-то деревья были высажены ровными рядами, но теперь дорожки между ними заросли ежевикой и худосочной кленовой порослью. Лет семь назад отец Рути пытался привести сад в порядок: он аккуратно обрезал каждое дерево, опрыскал химикатами от вредителей и болезней, выкорчевал дички и ежевику и удобрил почву, но груши и яблоки, которые появились на деревьях осенью, были мелкими, твердыми и такими кислыми, что не годились даже в компот. Так повторялось несколько раз, и отец махнул рукой. С тех пор садом никто не занимался, и выросшие в нем плоды гнили на земле, служа пищей для оленей, кабанов и изредка забредавших в холмы медведей.

На краю сада Рути остановилась, чтобы перевести дух, и вдруг отчетливо почувствовала, что она здесь не одна.

– Мама? – позвала она и сама поразилась, каким пронзительным и напряженным стал ее голос. Ответа не было, и она внимательно огляделась.

Снег, соскользнувший с ветвей ближайшей яблони, обрушился вниз с глухим хлопком, и Рути подскочила от неожиданности и страха. Что это?.. Что-то шевельнулось в тени между рядами деревьев или ей это просто почудилось? Затаив дыхание, она ждала.

Тишина была такой, что у нее зазвенело в ушах. Только сейчас Рути обратила внимание, что не слышит ни птиц, ни белок. Куда, черт побери, все они подевались?

Снег вокруг был девственно-чистым, на нем не отпечатались ни заячьих, ни птичьих следов. Она не видела даже робкой мышинной стежки, а ведь ей казалось, что в саду, где под снегом лежит весь прошлогодний урожай яблок и груш, полевки должны были встречаться во множестве. Можно было подумать – в саду она была единственным живым существом.

И не только в саду, а в целом мире.

О том, что случилось с отцом, Рути старалась думать как можно реже, но сейчас его смерть припомнилась ей во всех подробностях.

Это произошло два года назад. Стояла поздняя осень. Отец с утра отправился в лес, чтобы нарубить дров, – и не вернулся к ужину. Уже начинало темнеть, когда Рути отправилась на поиски.

Мать в тот раз никуда не пошла.

«Вот глупый старик, – сказала она, качая головой. – Если ему не хватает ума следить за временем, мог бы хотя бы прислушаться к бурчанию в собственном животе!»

Осень выдалась дождливой и сырой, и, поднимаясь по склону холма, Рути несколько раз едва не упала, поскользнувшись на глине и гнилых листьях. В конце концов она все же свалилась и расшибла коленку о торчащий из земли камень, а продираясь сквозь заросли ежевики, до крови расцарапала руки. Один шип пропахал довольно глубокую борозду у нее на подбородке. К счастью, в кармане платья нашелся клочок бумаги, который она приклеила к ране, чтобы остановить кровь.

Отца она нашла уже на обратном пути, на северной окраине фруктового сада. Сначала она увидела аккуратно уложенные в поленницу дрова, к которым была прислонена пила, и только потом заметила распростертое на земле тело. Отец лежал на боку в десяти футах от поленницы, крепко сжимая в руках топор. Его глаза были открыты, но казались безжизненными, а губы посинели.

В школе Рути изучала приемы оказания первой медицинской помощи, поэтому она не медля опустилась на колени, чтобы сделать отцу массаж сердца. Время от времени она испускала пронзительный крик в надежде, что мать услышит ее призыв и поспешит на помощь.

Потом Рути не могла вспомнить, сколько она провозилась с неподвижным телом отца, ритмично нажимая ему на грудь. Ей казалось, что несколько часов, хотя на самом деле прошло от силы минут тридцать. О времени она не думала, сосредоточившись на том, чтобы все сделать правильно – так, как ее учили. Руки прямые, локти зафиксированы, ладони лежат одна на другой в области сердца, нажать – отпустить, нажать – отпустить.

«И-и-раз, и-и-два, и-и-три, и-и-четыре...» – считала Рути вполголоса, как она делала, когда отрабатывала реанимацию на резиновом манекене.

В конце концов на холм прибежала мать – и сразу убежала обратно, чтобы вызвать по телефону «Скорую помощь». Рути продолжала массаж до тех пор, пока на место не прибыли медики-добровольцы из департамента пожарной охраны Уэст-Холла. Руки у нее тряслись от усталости, мышцы сводило судорогой, пот заливал лицо, но она считала и считала, пока мать не взяла ее за плечи и не оттащила в сторону.

Только на обратном пути, уходя с поляны, на которой осталось неподвижное тело отца, она увидела на влажной глинистой почве отпечатки его башмаков и подумала, что это были последние шаги, которые он сделал в жизни. Но – вот странность! – рядом с его большими следами Рути заметила следы куда меньшего размера. Казалось, что здесь прошел ребенок. Впоследствии она спросила Фаун, не поднималась ли она в тот день на холм, чтобы проведать папу, но сестра отрицательно затрясла головой и, крепче прижав к груди куклу, серьезно ответила:

«Мы с Мими не ходим в лес. Мы не хотим, чтобы нас съели».

Сейчас Рути вспомнила эти слова сестры и давние предостережения матери и почувствовала, как по ее спине пробежал холодок.

– Мама, это ты?! – снова позвала она, но ее голос прозвучал так по-детски жалобно, что Рути не выдержала и поморщилась. Надо взять себя в руки, решила она и быстро зашагала дальше к вершине. Вскоре Рути поймала себя на том, что почти бежит, неловко переставляя ноги в снегоступах. Фруктовый сад как-то внезапно закончился, и Рути снова углубилась в лес. Лишенные листьев буки, клены и ясени тянулись к ней костлявыми пальцами, десятки враждебных глаз следили за ней из чащи, но до вершины было совсем недалеко, и она продолжала свой неуклюжий бег, хотя подъем стал настолько крутым, что впору было опуститься на четвереньки.

Родители много раз говорили, чтобы она никогда не ходила к Чертовым Пальцам одна – мол, на тропе легко вывихнуть ногу или сломать лодыжку. Как-то отец обмолвился, что нашел в лесу за холмами старый заброшенный колодец – огражденную невысоким бортиком из камней дыру в земле, в которую легко было провалиться. Колодец был настолько глубокий, что он так и не разглядел дна, а бросив вниз камень, не услышал звука падения. Возможно, отец немного преувеличивал, но Рути и без того поняла, что опасность была реальной. Каждый, кто упадет в колодец, мог считать себя покойником, причем покойником, уже лежащим в могиле.

Кроме того, в городке рассказывали о пещере, в которой много лет назад жила самая настоящая ведьма. По слухам, именно в эту пещеру в 1952 году забрался десятилетний школьник – да так и не вернулся назад. Когда его друзья пришли с подмогой, они не смогли даже найти вход в пещеру: там, где зияло похожее на нору отверстие, спасатели увидели скалу, в которой не было ни малейшей трещинки, в которую могло бы протиснуться живое существо размером больше муравья.

История эта походила на сказку, но в Уэст-Холле многие воспринимали ее всерьез. Рути тоже была склонна считать, что нечто опасное в лесу *было*. Именно поэтому она не особенно удивилась, когда отряды добровольцев, прочесывавшие окрестности в поисках Уиллы Люс, вернулись ни с чем. В конце концов, заброшенный колодец в лесу мог быть не один.

Да, каждый житель городка мог бы многое рассказать о Чертовых Пальцах, и хотя эти истории различались в деталях, в одном рассказчики были единодушны: это злое, нехорошее место, и ходить туда не стоит. Люди, впрочем, все равно там бывали. Мальчишки на спор поднимались на холм, некоторые сорвиголовы даже ночевали на площадке между пятью вертикальными скалами-столбами (впрочем, и самые отважные не гнушались предварительно выпить для храбрости или захватить бутылочку «жидкой отваги» с собой). Тот же Базз и его приятели регулярно приезжали сюда, чтобы понаблюдать, не покажется ли в небе долгожданный НЛО, и все же Рути ни за что не отправилась бы в холмы одна без крайней необходимости.

Сегодня такая необходимость у нее появилась, однако храбрости ей это не прибавило. По коже все так же бежали мурашки, а подспудное ощущение, что в лесу она не одна, становилось сильнее.

– Эй, кто здесь? – позвала Рути, но тут же выругала себя за глупость и прибавила шагу, торопясь поскорее покончить с поисками, которые, как она давно подозревала, все равно не принесут никакого результата. Поднимусь на вершину, осмотрюсь по сторонам – и назад, решила она.

Но к тому моменту, когда Рути добралась наконец до Чертовых Пальцев, она совершенно выбилась из сил и вынуждена была остановиться, чтобы перевести дух. Глядя на торчащие из снега черные гранитные столбы, Рути невольно подумала, что они похожи на выросшие здесь омерзительные грибы-мутанты – именно выросшие, а не установленные инопланетянами, как казалось Баззу и его друзьям. Столбов было пять – пять пальцев, чуть наклоненных

от центра площадки, которую они окружали, что еще больше усиливало сходство с рукой, готовой схватить что-то («Или кого-то», – мысленно поправила Рути саму себя). Центральная площадка, или «ладонь», также была сложена из обломков гранита. Сейчас большинство камней оказались погребены под снегом, но несколько острых кромок торчали наружу, напоминая уже не пальцы, а почерневшие от времени зубы ископаемого чудовища.

*Бабушка, для чего тебе такие большие зубы?..
Для того, чтобы тебя съесть!!!*

Стоя у подножия самого высокого (не ниже двадцати футов!) столба, выполнявшего роль среднего пальца, Рути в последний раз крикнула «Мама!..» – и замерла в ожидании ответа. Она так напряженно прислушивалась, что звук ее собственного дыхания стал казаться ей слишком громким, словно какое-то чудовище хрипело и сопело прямо у нее за спиной.

«Это лес, – подумала Рути, борясь с подступающей паникой. – Он живой и дышит!»

Ей потребовалось все ее мужество, чтобы обернуться, но позади, разумеется, никого не было, и она, вытирая со лба пот, наклонилась, чтобы потуже затянуть ремни снегоступов. В последний раз окинув взглядом заснеженный лес по обе стороны холма, Рути заскользила вниз по склону так быстро, как только могла. Несколько раз она не удержала равновесие и упала, но странное, иррациональное ощущение того, что за ней *гонятся*, помешало ей проявить благоразумие и двигаться помедленнее. К счастью, обошлось без травм (несколько ссадин не в счет), так что минут через двадцать она снова была на поле позади знакомого амбара.

– Мама уехала на машине? – спросила Фаун, увидев входящую в дом сестру, и Рути отрицательно покачала головой. В амбаре, куда она зашла, чтобы повесить снегоступы на место, Рути заглянула в курятник. В набитых сеном ящиках-гнездах она отыскала полтора

десятка свежих яиц и рассовала добычу по карманам куртки. Сейчас Рути прошла на кухню и осторожно выложила яйца на буфет. Она замерзла, устала и проголодалась: подъем на снегоступах на вершину холма вымотал ее физически и морально.

– Где же мама?.. – Подбородок Фаун жалобно задрожал, глаза выпучились, как у лягушки, и наполнились слезами. – Где она?!

– Я не знаю, – устало покачала головой Рути.

– Но... как же мы будем без мамы? Надо ее найти! Надо кому-нибудь позвонить!.. – срывающимся голосом проговорила сестра.

– Ты имеешь в виду – позвонить в полицию? – Рути снова покачала головой. – Боюсь, ничего не выйдет. Насколько я знаю, заявить об исчезновении можно только после того, как человек отсутствует больше двадцати четырех часов, а мама пропала... меньше десяти часов назад. А если она *не* пропала... Ты сама знаешь, что будет, если мы поднимем на ноги полицию, а потом выяснится, что мама никуда не исчезала. Она ужасно рассердится, и нам с тобой попадет.

– Но ведь... ведь на улице ужасно холодно! Что, если мама заболит?

– Я осмотрела все места, куда она могла пойти, – рассудительно сказала Рути. – Нет, мама не заблудилась в лесу, это точно. Можешь мне поверить.

– Что же нам делать? – спросила Фаун.

– Мы должны ждать. Я уверена, что именно так в подобной ситуации поступила бы и мама, – добавила Рути. – Если к вечеру она не вернется, тогда, быть может, мы и позвоним в полицию, хотя... В общем, я пока не знаю. – Она внимательно посмотрела на сестру и улыбнулась как могла уверенно, ласковым жестом взъерошив Фаун волосы. – Не бойся, все будет в порядке.

Девочка крепко прикусила губу, и на мгновение Рути показалось, что сестра все-таки разревется, но Фаун только сказала:

– Я знаю, мама ни за что нас не бросит.

Крепко обняв сестру за плечи, Рути прижала ее к себе.

– Конечно, не бросит. Ничего, мы обязательно узнаем, куда она подевалась. Вот позавтракаем и начнем искать... искать подсказки. Люди не исчезают бесследно, знаешь ли... (Тут Рути снова вспомнила про Уиллу Люс, но ведь их мама – совсем другое дело, правда?) По этим подсказкам мы сможем узнать, где наша мама. Как Нэнси Дрю^[3].

– Как кто?

– Не важно. Ты, главное, верь мне, хорошо? Все будет в порядке. Мы найдем нашу маму, обещаю.

Кэтрин

Каждый раз, когда Кэтрин просыпалась среди ночи, ей казалось, будто оба ее мужчины – большой и маленький – снова с ней. Она почти физически ощущала тепло их тел, а стоило ей особым образом скосить глаза и прищуриться, и она начинала различать вмятину на подушке, где когда-то лежали их головы. Иногда, уже ближе к рассвету, она не выдерживала и, повернувшись на бок, прижимала подушку к лицу, пытаясь уловить их запах.

Почти всегда ей это удавалось. Она чувствовала, как к запахам шампуня, лосьона после бритья и машинного масла примешивается нечто головокружительно-пьянящее, острое и свежее – едва уловимый мужской аромат, который, как казалось Кэтрин, был квинтэссенцией Гэри, в полной мере выражая его характер и его существо.

Запах Остина был другим. Липовый мед, теплое молоко, специи – эту душистую амброзию Кэтрин готова была вдыхать без конца. Порой в сладостной предрассветной дреме ей казалось, будто запах человека – это и есть его душа, и пока она способна ощущать этот аромат, дорогие ей люди продолжают жить.

Но стоило ей полностью проснуться и, натянув на себя одну из старых маек Гэри, выйти на кухню с чашкой крепкого и горького

французского кофе, как она понимала, что ее мечты были глупыми и что ее ощущение, будто Гэри и Остин лежат с ней в кровати – обычный самообман, галлюцинация, память тела... это было чем угодно, но только не реальностью. Кэтрин приходилось слышать, что человек, лишившийся руки или ноги, продолжает чувствовать боль в ампутированной конечности. То, что испытывала она, было явлением того же ряда. «Фантомные мечты о Гэри» – вот как это называлось.

И все же Кэтрин не могла не мечтать. Сколько новых дней они встречали вот так, лежа в кровати втроем: они с Гэри по краям, Остин в своей байковой пижамке – посередине. Сколько раз они слушали, как мальчик рассказывает им свой сон: «...А еще там был один дядя с волшебной шляпой, из которой он мог достать все, что захочешь: леденцы на палочке, надувной плавательный бассейн и даже живого Спарки! Ты представляешь, мама?!»

Она представляла и, ероша сыну волосы, думала о том, как хорошо, что хотя бы в снах Остин способен оживить их погибшего под колесами автобуса далматина.

Горький и горячий кофе, провалившись в ее пустой желудок, подействовал как едкая кислота. Казалось, он вот-вот прожжет ей дыру в животе, и Кэтрин отодвинула от себя кружку. При этом она слегка задела за нее кольцом, которое Гэри подарил ей за пару недель до смерти. Повернув его вокруг пальца, Кэтрин увидела, что на коже осталась довольно глубокая вмятинка. Можно было подумать – кольцо стремится проникнуть сквозь кожу, раствориться, стать частью ее плоти и крови.

Ей необходимо было поесть – так сказать, заправить организм бензином, чтобы продолжать нормально функционировать. Вчера вечером она так и не поужинала как следует, да и пообедала Кэтрин за рабочим столом, обойдясь баночкой оливок и стаканом шираза. В этом не было ничего необычного: с тех пор как погиб Гэри, она питалась в основном крекерами и консервированными супами. Сама мысль о том, чтобы приготовить себе что-нибудь горячее, казалась Кэтрин не стоящей затраченных усилий. А если ей приспичит поесть

как следует, она просто отправится в кафе или ресторан. Кэтрин, впрочем, думала, что до этого не скоро дойдет: консервированные супы ей неожиданно понравились. Особенно хороши были суп из омара, ореховый сквош и томатный суп-пюре с обжаренным красным перцем.

И все же выйти из дома ей придется, поняла Кэтрин, обнаружив, что запасы крекеров и супов подходят к концу. В магазин она еще не ходила; сразу после переезда она распаковала коробку с овсянкой, крупами, мукой, яичным порошком и хлебопекарной содой, но кастрюльки и сковородки лежали в других ящиках, до которых у нее пока не дошли руки. За три дня на новом месте Кэтрин успела оборудовать только свое рабочее место и спальню. Все остальное могло и подождать, да и устраиваться как следует ей не хотелось. Быть может, как-нибудь потом она попробует сделать свое жилище более уютным, а пока... пока сойдет и так.

Ей, впрочем, нравился аскетизм пустых подоконников, рабочих поверхностей и буфетных полок, нравились оклеенные светлыми обоями стены, на которых еще не было ни фотографий, ни картин. Они как будто приглашали начать жизнь с чистого листа, поэтому при одном взгляде на них у нее непроизвольно улучшалось настроение.

Именно по этой причине Кэтрин долго колебалась, прежде чем повесить в стенной шкаф часть привезенной с собой одежды. Ей хотелось хотя бы в первое время пожить по-походному, «на чемоданах». Мысль о том, что она в любой момент может сняться с места и двинуться дальше, давала ощущение свободы. Да и по большому счету, рассуждала Кэтрин, что на самом деле нужно человеку для жизни? Минимум еды, минимум одежды... Провести подобный эксперимент было бы любопытно. Быть может, ей даже удастся изменить свою жизнь настолько, что боль от потери немного притупится, хотя полностью забыть о том, что она утратила, не удастся ей, наверное, никогда.

Размышляя подобным образом, Кэтрин разглядывала штабель картонных ящиков, на которых было написано крупно: «КУХНЯ». Чуть ниже – буквами помельче – перечислялось содержимое каждой коробки: миски, разделочные ножи, машина для приготовления мороженого, электрическая хлеборезка. Кому они нужны, подумала Кэтрин. Будь у нее семья из двенадцати человек, электрическая хлеборезка, возможно, и понадобилась бы, но теперь, когда она осталась одна... Нет, от этого барахла придется избавиться, решила она. И чем скорее, тем лучше.

В гостиной стояли еще коробки. Здесь были главным образом компакт-диски, книги, кассеты с фильмами, фотоальбомы, альбомы по искусству. Когда-то она думала, что эти вещи играют важную роль в ее жизни, но сейчас они казались чужими, принадлежащими какой-то другой женщине. Когда-то она даже знала эту женщину. Ее звали Кэтрин, и у нее были муж Гэри и сын Остин, были альбомы с семейными фотографиями, был любимый свадебный сервиз и даже электрическая точилка для ножей. Сейчас она воспринимала эти вещи как игрушки; Кэтрин как будто стала ребенком, который пытается играть во взрослую жизнь, но плохо представляет, для чего на самом деле нужны все эти многочисленные предметы.

Остин... Он умер от лейкемии два года и четыре месяца назад. Тогда ему было всего шесть. Со дня гибели Гэри прошло чуть больше двух месяцев, но Кэтрин иногда казалось, будто он умер только вчера, а иногда – что двадцать лет назад. Ее решение перебраться из Бостона в Уэст-Холл – городок в вермонтской глуши с населением всего 3163 человека, по данным трехлетней давности – родители и друзья сочли безумием чистой воды, но Кэтрин твердо стояла на своем, утверждая, что ей хочется начать жизнь с нуля. В этом смысле очень кстати пришелся Пэкхемовский грант, который она получила совсем недавно – тридцать тысяч долларов, предназначенных на текущие расходы и на приобретение необходимых материалов. Благодаря этим деньгам, которые словно с неба свалились, Кэтрин могла посвятить все свое время художественному творчеству. Если

точнее, то ей предстояло закончить серию шкатулок в технике ассамбляжа^[4], над которой она работала весь последний год. Впервые в жизни Кэтрин могла позволить себе быть художником, и только художником, а не женой, матерью или директором галереи. Именно ради этого, утверждала она, и был задуман этот переезд в Вермонт, где ничто не будет отвлекать ее от творчества.

Об истинных причинах, побудивших ее перебраться в небольшую квартирку на третьем этаже старого дома в викторианском стиле, стоявшего на центральной улице Уэст-Холла, она не сказала никому.

Ни единой живой душе.

Началось, как водится, с пустяка. Примерно через месяц после смерти Гэри она получила его последний счет по кредитной карточке «Америкэн экспресс». Средства с карты были списаны 30 октября. Именно в этот день Гэри погиб. Расход был невелик – всего тридцать один доллар и тридцать девять центов. Именно во столько обошелся Гэри завтрак или обед в кафе «Лулу», находившемся в Уэст-Холле, штат Вермонт (сама Кэтрин никогда там не была и даже не слышала, что в Вермонте есть такой городок. Гэри, во всяком случае, никогда о нем не упоминал).

Должно быть, обострившееся восприятие всего, что было связано с Гэри, с его последними днями и часами, и заставило Кэтрин задуматься, что же заставило ее мужа проделать трехчасовой путь до Вермонта, поехать там в кафе (наверняка паршивом) и практически сразу отправиться в обратную дорогу. В Бостон Гэри возвращался не по магистрали И-91, а по живописному Пятому шоссе, которое петляло по склонам холмов. В тот день пошел первый в этом сезоне снег, густой и мокрый, и на одном из поворотов Гэри не справился с управлением. Его машина вылетела с дороги и врезалась в каменную глыбу. Полицейские сказали, что он умер мгновенно.

И Кэтрин была склонна поверить этому. Когда она ездил на полицейскую стоянку в Уайт-Ривер, чтобы забрать оставшиеся в машине вещи Гэри, ей хватило одного взгляда на сработавшие

подушки безопасности, разбитое вдребезги лобовое стекло и смятый гармошкой передок, чтобы убедиться – именно так все и было. В следующую минуту она потеряла сознание.

Вещей в машине оказалось немного – кое-какие документы из перчаточницы, запасные солнечные очки, любимая кружка Гэри, которую он всегда брал с собой в дорогу, и другие мелочи, но Кэтрин ездил в Уайт-Ривер не за этим. На самом деле она рассчитывала найти небольшой черный рюкзак Гэри, в котором он обычно возил свой навороченный фотоаппарат и все необходимое для съемок, но как раз его-то в машине не оказалось. Тщетно она расспрашивала сотрудников стоянки, полицейских, страхового агента и врачей из больницы, в которую доставили тело. Никто так и не признался, что видел рюкзак с фотопринадлежностями, а между тем она отлично помнила, что, уезжая утром из дома, Гэри взял его с собой, заявив, что собирается в Кембридж, чтобы снимать какую-то свадьбу.

Почему он солгал?

Этот вопрос не давал Кэтрин покоя. Уподобившись ревнивой жене, она даже обыскала ящики его стола, перерыла бумаги и залезла в компьютер, но не обнаружила ничего необычного или подозрительного. Обзвонив приятелей Гэри, она спросила у каждого, не знает ли он, были ли у ее мужа какие-то знакомые в Вермонте, но ответы были отрицательными. Никто не мог назвать ей ни одной сколько-нибудь вразумительной причины, по которой Гэри отправился в этот штат – в этот крохотный городок на самом севере. Кто-то предполагал, что Гэри прослышал о только что открывшемся в Уэст-Холле новом антикварном магазине, кто-то считал, что он решил просто прокатиться. «Ты сама знаешь, Гэри никогда не раздумывал, если считал, что может узнать что-то новое и интересное, – сказал Кэтрин его лучший друг Рей. – Он просто вскакивал в седло и мчался туда, где ему хотелось быть. Приключения – вот ради чего он жил!»

В конце концов Кэтрин не выдержала и, вооружившись картами Вермонта, села в машину и отправилась на север. Вскоре она уже въезжала в Уэст-Холл, который располагался в пятидесяти милях к северу от того места, где Гэри попал в аварию.

Уэст-Холл оказался типичным новоанглийским^[5] городком – маленьким и по-провинциальному скучным. Единственными его достопримечательностями могли служить три церкви, каменное здание библиотеки и засеянная травой центральная площадь, в самой середине которой стояло что-то вроде покосившейся беседки, которая при ближайшем рассмотрении оказалась крытой эстрадой для выступлений городского оркестра. Сразу за площадью Кэтрин увидела школьное здание. Несколько малышей в зимних куртках и теплых шапках играли во дворе в снежки или карабкались на ярко-оранжевую горку, с которой тут же скатывались по наклонному пластиковому желобу. Глядя на них, Кэтрин сразу вспомнила Остину. Он тоже любил кататься с горки и никогда не боялся взбираться на самый верх. На мгновение ей даже показалось, что среди малышей она видит сына – худого, жилистого, с непокорным вихром светлых волос на макушке, но стоило ей моргнуть, как она поняла свою ошибку. Это был какой-то другой, совсем не похожий на Остину мальчишка.

Главная улица, или Мэйн-стрит, по которой ехала Кэтрин, довольно скоро вывела ее на окраину городка – к огороженному ржавым забором из кованого железа старому кладбищу, полному покосившихся крестов и гранитных надгробий. Дорога охватывала кладбище кольцом, и, проехав по ней, Кэтрин снова вернулась в центр города. Там она довольно скоро отыскала на Мэйн-стрит кафе «Лулу», разместившееся на первом этаже старого кирпичного здания, которое, помимо него, занимали книжный магазин, банк и адвокатская контора.

В кафе никого не было. Кэтрин заказала кофе и села за столик у окна. Глядя в большое зеркальное окно, выходившее на городскую

площадь, она невольно подумала, что именно эту картину видел Гэри, когда ел здесь в последний раз в жизни.

День выдался безоблачным и ясным. Деревья, росшие вокруг городской площади, стояли обнаженными, но два месяца назад, когда Гэри здесь побывал, их багряная с золотом листва, несомненно, служила главным украшением унылой травянистой площадки с обшарпанной эстрадой в центре. Кэтрин даже попыталась представить себе эту картину, вообразить, что чувствовал Гэри, пока смотрел, как на его глазах золото листвы облетает с деревьев под ударами усиливающегося ветра, а на небо наплзают снеговые тучи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ЛЮДИ ЗИМЫ

*Скажи, когда снег
становится водой, помнит ли он,
как был снегом?*

ДЖЕННИФЕР МАКМАХОН

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Сноски

1

Исайя, 46:4. *(Здесь и далее – примечания переводчика.)*

[Вернуться](#)

2

Книга Йоханна Дэвида Висса.

[Вернуться](#)

3

Нэнси Дрю – литературный и киноперсонаж, девушка-детектив, известная во многих странах мира. Была создана Эдвардом Стратемаэром в 1926 г. Книги о Нэнси Дрю, написанные различными авторами, издаются до сих пор.

[Вернуться](#)

4

Ассамбляж – техника визуального искусства, родственная коллажу, но использующая объемные детали или целые предметы, скомпонованные на плоскости как картина. Допускает живописные дополнения красками, а также металлом, деревом, тканью и др. Термин «ассамбляж» применяется и к другим произведениям, от фотомонтажей до пространственных композиций, поскольку терминология современного визуального искусства не вполне устоялась.

[Вернуться](#)

5

Новая Англия – исторически сложившийся в XVII в. регион на северо-востоке США. Включает штаты Мэн, Нью-Гэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут. Жители этого района до сих пор отличаются пуританскими, консервативными взглядами.

[Вернуться](#)